
**ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО САМОДИСТИКЕ**
памяти Ариадны Ивановны Кузнецовой (1932–2015)

ТЕЗИСЫ

**SIXTH INTERNATIONAL
CONFERENCE ON SAMOYEDOLOGY**
in memory of Ariadna Kuznetsova (1932–2015)

ABSTRACTS

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Е. Березкин.</i> Самодийская космонимия в североевразийском контексте.....	4
<i>Polina Berezovskaya.</i> Comparisons in Nenets: About a Language that Decided to Have Degrees and also Use them	6
<i>А. И. Боброва, А. Ш. Бодрова.</i> Пояса селькупов XVII века из Прикетья как источник социокультурной информации.....	9
<i>Josefina Budzisch.</i> On the non-possessive use of possessive suffixes in Southern Selkup	11
<i>С. И. Буркова.</i> О дискурсивных функциях энклитики = <i>ta</i> в тундровом и лесном ненецких языках	13
<i>Т. В. Волдина.</i> Общее в представлениях о душе в обско-угорских и самодийских культурах.....	16
<i>А. В. Головнев.</i> Номадизм и туризм: маркетинг ненецкой этнографии.....	18
<i>В. Ю. Гусев.</i> Существует ли северосамодийская подгруппа.....	20
<i>Chris Lasse Däbritz.</i> On the indication of nominal plurality in Samoyed languages and its implications on the reconstruction of Proto-Uralic.....	23
<i>О. Э. Добжанская.</i> Новые материалы по музыкальному фольклору таймырских ненцев и нганасан (по результатам полевых исследований 2014—2015 гг.).....	25
<i>О. А. Казакевич.</i> Функциональные стили селькупского языка в его устной и письменной форме	26
<i>А. А. Ким-Малони, А. В. Терещенко, Е. О. Собашишникова.</i> Лексическая реализация антропоморфизма в фольклоре селькупов	28
<i>С. В. Ковылин.</i> К вопросу о русских заимствованиях в центральных и южных диалектах селькупского языка	28
<i>Alexey Kozlov.</i> Prospective in Tundra Nenets	33
<i>И. А. Коробейникова, В. В. Фраинд.</i> Этнографические экспедиции на Парабельской земле	35
<i>Ю. Б. Коряков.</i> Проблема «язык или диалект» и самодийские языки.....	37
<i>Н. Б. Кошкарева, Е. В. Кашкин, Н. А. Муравьев, О. А. Казакевич, Ю. Б. Коряков, С. И. Буркова, Д. А. Столяров, Е. М. Будянская.</i> Самодийские языки и их соседи: опыт ареального исследования уральских языков Ямало-Ненецкого АО	38

<i>Р. И. Лантандер.</i>	
Стилистические особенности употребления посессивных суффиксов в ненецком языке ...	41
<i>Larisa Leisiö.</i>	
Evidentiality in Samoyed. Functional and grammatical aspects	43
<i>А. А. Локтионова.</i>	
Селькупские термины, используемые для номинации деталей берестяной утвари и технологических процедур при работе с берестой	45
<i>М. Д. Люблинская.</i>	
Лексика оленеводческого хозяйства: ненцы vs. саамы	47
<i>Nikolett Mus, Eszter Simon.</i>	
Languages under the influence: building a database of Uralic languages.....	49
<i>Ю. В. Норманская.</i>	
Прасамодийская реконструкция вокализма vs. новые полевые и архивные данные	52
<i>М. А. Овсянникова.</i>	
Валентностные классы двухместных предикатов в лесном диалекте энецкого языка	56
<i>В. В. Понарядов.</i>	
Самодийско-монгольские лексические связи.....	58
<i>Е. Т. Пушкарева.</i>	
Отражение пищевой лексики в Ненецко-русском словаре 1965 года и Словаре маминоного языка (на канинском говоре ненецкого языка) М. Я. Бармич.....	60
<i>Н. В. Сайнакова.</i>	
Определение границ расселения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби по данным устной истории.....	61
<i>Tapani Salminen.</i>	
On the relationship of phonology, phonetics and orthography in the study of Tundra Nenets vowels.....	62
<i>Sándor Szevényi.</i>	
Information Status and Perspectivation: Annotation problems in the spoken Nganasan corpus, with particular reference to the quotation strategies	63
<i>И. П. Сорокина.</i>	
Результаты русско-энецких языковых контактов	65
<i>Ivan Stenin.</i>	
Causativization and (a)telicity: a Northern Samoyedic perspective	67
<i>С. Г. Татевосов.</i>	
Несколько наблюдений над ненецким Итеративом.....	70
<i>А. Н. Терехина, А. И. Волковицкий.</i>	
Ненецкий чат, планшет и кинозал в тундре: информационные технологии в современной культуре оленеводов Ямала.....	73
<i>О. А. Тейш.</i>	
Лексика говоров Русского Севера в ненецко-коми-русском лексическом микрофонде	74
<i>А. Ю. Урманчиева.</i>	
Использование эвиденциальных форм в нарративе в самодийских языках.....	76
<i>Anja Harder.</i>	
Recipient encoding in Southern Selkup	78
<i>Г. П. Харючи.</i>	
Окружающая среда в мировоззрении ненцев.....	81
<i>Veronika Hegedűs, Nikolett Mus, Balázs Surányi.</i>	
Predicational copular clauses and locational constructions in Tundra Nenets.....	83
<i>Е. С. Янтук.</i>	
О «Словаре личных имён ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа».....	85

Ю. Е. Березкин

Музей Антропологии и Этнографии (Кунсткамера) РАН
Европейский Университет в Санкт-Петербурге

САМОДИЙСКАЯ КОСМОНИМИЯ В СЕВЕРОЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Из пяти объектов ночного неба, которые в Северном полушарии чаще всего бывают замечены и получают интерпретацию (Млечный Путь, Большая Медведица, Орион, Плеяды, пятна на лунном диске), для самодийских традиций (данные в основном по северным самодийцам) актуальны все, кроме Ориона, который слабо представлен и в других западносибирских космономических системах. Сюда можно добавить интерпретацию звезд в целом как особого класса объектов. Часть самодийских интерпретаций соответствует североевразийскому «фону», часть специфична, но нельзя не отметить отсутствие космономимов, которые бы объединяли самодийцев и финно-угров и при этом не были характерны и для представителей других языковых семей Северной Евразии. Ниже перечислены традиции, в которых соответствующие космономимы зафиксированы (далекие параллели в тропических областях не приводятся).

Большая Медведица в образе лося в контексте сюжета космической охоты: марийцы, лесные и тундровые ненцы, манси, все ханты, северные и южные селькупы, якуты, все эвенки, эвены, негидальцы, халкомелем, снохомиш, пуяллуп, нискуалми, (твана?). В калевальской традиции то же, но без отождествления лося с конкретными звездными объектами. Для чулымцев созвездие не идентифицировано. В Северной Америке в большинстве случаев говорится о преследовании не лося, а медведя: карьер, чилкотин, лиллуэт, томпсон, шусвап, васко, (оджибва?), фокс, сенека, мохавки, микмак, пенобскот, делавары, чироки.

Млечный Путь как лыжный след: коми, лесные ненцы, энцы, северные селькупы, манси, ханты, кеты, чулымцы, якуты, эвенки (видимо, все), негидальцы, орочи, удэгейцы, нанайцы, ульчи, уильта, юпик острова Св. Лаврентия, центральные юпик, ингалик, талтан, внутренние тлинкиты, тлинкиты.

Плеяды — утиное гнездо (выводок и т. п.): русские (Архангельская, Тверская, Нижегородская, Орловская, Псковская, Курская, Орловская, Оренбургская, Сибирь), вепсы, мордва, удмурты, коми, хакасы, тундровые ненцы, манси, ханты (р. Тромъеган).

Звезды: отверстия в небе: болгары, армяне, русские либо украинцы (одно свидетельство), шведы, эстонцы, латыши (жемайты), марийцы, коми, тундровые и лесные ненцы, нганасаны, ханты, кеты, якуты, эвенки (сымские, амурские, алданские), эвены, негидальцы, чукчи, ительмены, кадьякцы, центральные юпик, остров Нунивак, инупиат (северной Аляски?), эскимосы устья Макензи, карибу, нетсилик, иглулик, тутчони, сэлиши томпсон.

Звезды: корни растений верхнего мира: ханты (р. Вах), северные селькупы, кеты, негидальцы, сэлиши томпсон.

Пятна на лунном диске — шаман с бубном: тундровые и лесные ненцы, энцы, нганасаны, хакасы.

Два созвездия (обычно Большая и Малая Медведицы, реже Плеяды и Гиады, иногда Большая Медведица и Кассиопея) рассматриваются как два однотипных, парных объекта («Большой воз» — «Малый воз», «Лось» — «Остяцкая лось», «Большая скамья» — «Малая скамья», «Сито» — «Старое сито», «Семеро девушек» — «Семеро воинов», «Лосиха» — «Лосенок» и т. п.): исубу, мурле, тигре, туареги, латиняне, итальянцы, баски, португальцы, немцы, голландцы, французы, англичане, арабы, Древняя Греция, румыны, молдаване, болгары, сербы, словенцы, чехи, словаки, поляки, русские, украинцы, белорусы, лезгины, армяне, персы, таджики, исландцы, датчане, эстонцы, финны, чуваша, удмурты, башкиры, хакасы, кеты, ненцы, якуты, эвенки (Подкаменная Тунгуска), эвенки-орочоны, нанайцы, ульчи, орочи, уильта, кучин, виннебаго, микмак, пауни, северные пайют, киче. Данная особенность номинации астральных объектов распространена значительно шире Северной Евразии (вплоть до Северо-Восточной Африки и Гватемалы), но в основном характерна для Европы и Сибири, отсутствуя в Центральной и Восточной Азии.

У самодийцев (по крайней мере у северных) нет двух широко распространенных (в т.ч. у финно-угров) космоимов:

Млечный Путь как дорога птиц: лужичане, кашубы, поляки (Мазовия), белорусы, украинцы (Волинь), русские (Вологодская, Тульская, Калужская, Смоленская, Вятская), саамы, финны, карелы, эстонцы, сету, ливы, латыши, литовцы, марийцы, чуваша, мордва, удмурты, коми, башкиры, казанские татары, туркмены, каракалпаки, казахи (есть и в арабо-кипчакском словаре 14 в.), киргизы, ханты, манси, среднеамурские эвенки, южные тутчони, оджибва (Джорджиан Бей, тимагами), северные солто.

Пятна на лунном диске — девочка (девушка, молодая женщина; мальчик и девочка), пошедшие за водой / с ведрами в руках: болгары, македонцы, румыны, русские (Архангельская, Вятская), белорусы, украинцы (Волинь), шведы, «Эдда», восточные саамы, карелы, водь, эстонцы, ливы, латыши, литовцы, марийцы, чуваша, коми, удмурты, казанские татары, сибирские татары, башкиры, казахи, киргизы, ваханцы, хакасы, шорцы, дархаты, буряты, ханты, манси, южные селькупы, кеты, якуты, эвенки (не повсеместно: видимо, западные и орочоны), негидальцы, нанайцы, удэгейцы, нивхи, коряки, юкагиры, метисы Марково, японцы (юг Хонсю, Сикоку, Кюсю), томпсон, шусвап, квинолт, оджибва, арапахо. Зона распространения данного космоима незначительно расширяется на запад (Европа), восток (Северная Америка) и юг (о-ва Рюкю), если учитывать варианты, в которых лунный водоноша — мужчина (мальчик, мальчики).

Североамериканские параллели для многих из перечисленных космоимов позволяют предполагать их распространение не позже финального плейстоцена. Отсутствие корреляции между ареалами космоимов и языковых семей свидетельствует в пользу субстратного характера первых. С предками каких семей космоимы были связаны 15 тыс. л. н., сказать вряд ли возможно. «Шаман на луне» — это собственно самодийский космоим, но он ближе эскимосско-алеутским вариантам (шаманы посещают Человека на Луне, чтобы узнать причину болезни, и т. п.), чем к финно-угорским. Пруральским может считаться космоим «утиное гнездо», но лишь если предположить, что у прибалтийских финнов и в значительной мере в Поволжье он был замещен обозначением Плеяд как сита.

Polina Berezovskaya

Eberhard Karls Universität Tübingen

COMPARISONS IN NENETS: ABOUT A LANGUAGE THAT DECIDED TO HAVE DEGREES AND ALSO USE THEM

Summary. Data from original fieldwork on Nenets, an underrepresented Samoyedic language from the Uralic language family, shows that this language has developed a grammar that integrates degrees into its semantics.

Background & Data. Proponents of the degree approach, the ‘standard approach’ (cf. e.g. von Stechow 1984, Heim 1985, 2001, Beck 2011) assume degrees to be primitives in the semantic ontology. They can be considered as being reconstructed from equivalence classes of individuals (Cresswell 1976) according to the intuition that degrees are points on a scale. Castrén (1854) reports that originally, any kinds of comparison degrees (“Comparationsgrade”, p. 187) were missing in Yurak Samoyed¹. In contemporary Nenets, we find clear reference to degree in comparisons with a degree (CompDeg) as in (1) and difference comparisons (DiffC) as in (2) alongside comparisons containing individuals as standards, cf. ‘Masha’ in (3):

(1) *Polka [sind’et juh santimetr-xad] jamb.*
shelf eight ten cm-ABL long
‘The shelf is longer than 80 cm.’ — COMPARISON WITH A DEGREE (COMPDEG) —

(2) *Katja Masha-xad saml’ang santimetra-nh pirc’a(-rka).*
Katja Masha-ABL five cm-DAT tall-(RKA)
‘Katja is 5 cm taller than Masha.’ — DIFFERENCE COMPARISON (DIFFC) —

(3) *Katja Masha-had pirc’a.*
Katja Masha-ABL tall
‘Katja is taller than Masha.’

Integrating Degrees into the Semantics. What it means for a language to integrate degrees into the grammar more concretely is to have gradable adjectives of the following type:

(4) $[[\text{tall}]] = \lambda d. \lambda x. \text{HEIGHT}(x) \geq d = \lambda d. \lambda x. x \text{ is } d\text{-tall}$

In prose: this predicate takes an individual and maps it to a degree on the height scale

It is through the gradable adjective that the degree is introduced into the semantics. DiffC and CompDeg are good diagnostics for degree semantics, according to Beck et al. (2009).

The standard of comparison is always ablative-marked. The gradable adjective stands in its basic form, though it can be marked by the suffix *-rka*. This suffix is reported to be optional in comparatives by Nikolaeva (2014), among others. Terezhenko (1947) marks what

¹ The question is how to interpret the term „Comparationsgrade“ that Castrén uses. Judging from the whole quote, he might mean that Nenets didn’t have the strategy of e.g. many Indo-European languages to build comparatives and superlatives morphologically by using dedicated morphemes.

she takes to be the comparative form of the adjective with the suffix *-rka* as well. Décsy (1966) classifies *-rka* as an adjectival suffix which can mark “incompleteness of quantity” (i.e. *veva* ‘bad’) — *vevarka* (‘slightly, somewhat bad’) and which in addition can also be used for comparison. My fieldwork data suggest that *-rka* is used if there is a small difference between the associate (‘Katja’ in (3)) and the standard of comparison (‘Masha’ in (3)), cf.(5-a) vs. (5-b). This means that this optional suffix is not the comparative marker, i.e. there is no overt morphological marking on the comparative.

- (5) a. *Katja Masha-xad ηarka-vna pirc’a.*
 Katja Masha-ABL large-ADV tall
 ‘Katja is much taller than Masha.’
 b. *Katja Masha-xad ηarka-vna #pirc’a-rka.*
 Katja Masha-ABL large-ADV tall-RKA
 ‘Katja is much taller than Masha.’

Comment by informant: “If there is a big difference in heights, you cannot use *-rka*.”

No Clausal Standards. The unavailability of clausal standards in Nenets as shown by the rescue paraphrase strategy in (6) points to a direct phrasal analysis under which all comparatives are analyzed as not being reduced from a clausal source (cf. Heim 1985).

- (6) *Ichin’an mahm t’uku jal’a iba-rka.*
 mind-LOC-1SG say-1SG this day warm-RKA
 Literally: ‘In my mind I say: this day is warmer.’
 Intended: “Today it is (a little) warmer than I thought.”

There are also no English-type subcomparatives like (7) in which we compare along two different dimensions. Note that clausal standards are a prerequisites for building subcomparatives.

- (7) *Stol-vah pirc’a-rka komod-vah ηani lata-rka.*
 table-POSS.1PL tall-RKA commode-POSS.1PL whereas wide-RKA
 ‘The table is high, whereas the commode is wide.’
 Intended: “The table is higher than the commode is wide.”

The Diachronic Perspective. The following example from my fieldwork illustrates that the conjunctive strategy in (8) might still be available for some, presumably older speakers of Nenets as an alternative to the productive degree strategy illustrated in (9).

- (8) *Ty ηarka wen’eko n’oc’ko.*
 reindeer big dog small
 ‘The reindeer is bigger than the dog.’
 (9) *Ty wen’eko-hod ηarka.*
 reindeer dog-ABL big
 ‘The reindeer is bigger than the dog.’

This conjunctive strategy is also reported in Beck et al. (2009) for Motu and in Bochnak (2013) for Washo. Beck et al. (2009) propose the Klein (1980) context-dependent basic lexical entry in (10) of a gradable adjective for Motu adjectives. This adjective has type $\langle e, t \rangle$, i.e., it is a predicate of individuals. Note that contrary to the scalar lexical entry in (4), this adjective does not introduce any degree into the semantics. Applied to the example in (8), we get the truth conditions in (11).

(10) $[[\text{tall}_{\text{Motu}}]] = \lambda c. \lambda x. x \text{ counts as tall in } c$

(11) $[[\text{(8)}]] = 1 \text{ iff The reindeer counts as big in } c \text{ \& the dog counts as small in } c$

This is how Nenets comparative constructions might have looked like at the stage that Castrén (1854) describes in his grammar. I take the existence of this less preferred and degree-less, but still existing strategy as a pointer to an interesting development: Nenets presumably didn't have any degrees in the semantic ontology at an earlier stage and eventually integrated the degree strategy into the grammar.

Concluding Remarks. In this abstract I argue that Nenets provides evidence for a language that started to integrate degrees into its semantics at some point in the development. The possibility of having DiffC and CompDeg in modern Nenets convincingly shows that contemporary Nenets has degrees in its ontology. Degrees are non-trivial types reconstructed from equivalence classes, i.e., it is a rather complex strategy which a language might or might not choose to have. The diachronic perspective raises interesting questions regarding the possible co-existence of two different systems in the semantics of the Nenets comparative. We might be thus witnessing language change in progress.

Selected References

- Beck, S., D. Fleischer, R. Gergel, S. Hofstetter, S. Krasikova, C. Savelsberg, J. Vanderelst and E. Villalta (2009). "Crosslinguistic Variation in Comparison Constructions." *Linguistic Variation Yearbook* 9, 1—66.
- CASTRÉN, M.A. (1854). *Grammatik der Samojedischen Sprachen*.
- CRESSWELL, M.J. (1976). "The Semantics of Degree." *Montague Grammar*, 261—292.
- HEIM, I. (2001). "Degree Operators and Scope." *Audiatur Vox Sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow*, 214—239.
- NIKOLAEVA, I. (2014). *A Grammar of Tundra Nenets*.
- TEREZHENKO, N. (1947). *Ocherk Grammatiki Nenezkogo (Jurako-Samojedskogo) Jazyka (A Sketch of the Nenets (Jurak-Samoyed) Grammar)*.

А. И. Боброва

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова

А. Ш. Бодрова

Томский государственный педагогический университет

ПОЯСА СЕЛЬКУПОВ XVII ВЕКА ИЗ ПРИКЕТЬЯ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Этнографические и письменные источники XVIII — начала XX в. сохранили описание занятий и производств аборигенов Сибири, в том числе, южных селькупов (Ф. Ф. Миллер, И. Г. Георги, А. Ф. Миддендорф, А. М. Кастрен, У. Т. Сирелиус, С. Попов, В. Иславин и др.). В последующее время к описанию промыслов и одежды селькупов обращались Е. Д. Прокофьева, А. А. Попов, Г. И. Пелих. Работа лингвиста А. А. Ким посвящена проблеме реконструкции картины мира на основе селькупской культовой лексики и анализа предметов шаманства. Изучение культуры селькупов продолжается и в настоящее время (В. В. Быконя, А. А. Ким, С. Ю. Колесникова, Н. А. Тучкова и др.). Однако, чем древнее становится пласт культуры селькупов, тем меньше информации о производстве, ремеслах, ткачестве, традиционной одежде. Несмотря на появление значительного корпуса новых археологических источников XVII—XVIII в., многие из них до сих пор не введены в научный оборот и при реконструкции одежды ощущается заметная лакуна. В полной мере это относится к поясам предков нарымских селькупов — населению Прикетья XVII в.

Актуальность исследования связана с изучением конструкции, формы, материала изготовления, приёмов отделки, а также характера гарнитуры поясного набора, расположения подвесок и особенностей их крепления, манеры подпоясывания. При комплексном подходе изучение этих характеристик позволяет выделить интересные детали, которые являются ценным показателем не только при реконструкции одежды населения Прикетья, но и в качестве одного из источников получения информации о социальной организации и мировоззрении предков селькупского этноса.

В бассейне р. Кеть исследовано 17 курганных, 2 грунтовых могильника и несколько одиночных курганов XV—XVII вв. (Дульзон, 1956, с. 222–223, 229; Он же, с. 190–193, 196–197; Гребнева, 1981, с. 175; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990, с. 213–216, 219–220, 221, 227–228). Пояса обнаружены только в трёх из них — Лукьяновском I, Карбинском II, Ёлтыревском II. По находкам монетного материала и нюрнбергских счётных жетонов в погребениях пояса датируются XVII в.

Исследование фрагментов и целых комплектов поясов показало, что большинство из них по конструктивным особенностям относится к поясам наборного типа, преимущественно с металлическими 3—4-частными полусферическими накладками и накладками-лунницами.

Такие пояса обнаружены далеко не во всех погребениях, что, позволяет сделать вывод об использовании в быту, в основном, безгарнитурных поясов из ткани и кожи без пряжек, которые из-за отсутствия металлических деталей оказались подверженными

быстрому разрушению. Фрагмент такого пояса сохранился в кургане 13 Лукьяновского могильника I.

Все пояса, за исключением ёлтыревского с бронзовой пряжкой, не имели фурнитуры, не исключено, что концы поясов были матерчатыми или кожаными. Они свободно завязывались по талии и поэтому не сохранились. Но, возможно, это объяснялось намеренной порчей пояса, выразившейся в срезании концов или одного из его концов с фурнитурой, как это зафиксировано на примере ёлтыревского пояса, один из концов которого был срезан.

Происхождение тканых поясов у населения Прикетья остаётся не выясненным, но можно предположить, что их приобретали у русских, которыми низовья Кети были освоены уже в первой половине XVII в. Приобретались, вероятно, только «заготовки» в виде тканых полос, шириной 2–5 см, которые затем декорировали в соответствии с традицией этноса.

Критерием для выявления сходства и различия поясов с р. Кеть служит их конструкция. Все рассмотренные пояса можно разделить на две группы: I — однослойные; II — двухслойные. Однослойные пояса найдены во всех могильниках, двухслойные — только в Лукьяновском могильнике I. Среди них особо выделяется комбинированный пояс из мужского захоронения. Он выполнен из ткани и кожи, что, возможно, связано с семантикой различных материалов на основе бинарной оппозиции ткань/кожа. Вероятно, у селькупов, как и у славян, женщины не носили ременных поясов — важнейший символ мужского престижа, а носили, преимущественно, тканые и вязаные пояса. В XVII в. у праселькупского населения Нарымского Приобья женщины носили тканые пояса, но с металлическими нашивками и подвесками.

Для Прикетья характерен единый стиль оформления лицевой поверхности поясов, независимо от половозрастных признаков. Пояса из детских могил такие же нарядные, как и у взрослых. Богатство убранства поясов, элементы их гарнитуры свидетельствует об особом прижизненном социальном статусе их обладателей.

Пояс как деталь одежды покойного у селькупов несет магически охранительную функцию. Поскольку у селькупов умершего отправляли в нижний мир в верхней зимней одежде, то тело покойного оборачивали в неё, не продевая рук в рукава, после чего сверху повязывали пояс. В этом случае перекрывание сверху рук покойного является результатом подвязывания пояса поверх верхней одежды.

Предложенные археологические материалы позволяют сделать вывод об особой роли пояса в погребальной практике предков селькупов, и о существовании у них XVII в. специального праздничного (погребального) пояса. Наряду с этим, они свидетельствуют о гендерной дифференциации в селькупском обществе.

Josefina Budzisch

University of Hamburg

ON THE NON-POSSESSIVE USE OF POSSESSIVE SUFFIXES IN SOUTHERN SELKUP

Possessive suffixes in the Uralic languages are widely used not only for the sole marking of possessive relations but in other functions as well. The aim here is to give an overview of the non-possessive functions of those suffixes in Southern Selkup and to make an attempt at classifying their use.

The non-possessive function of the possessive suffixes is often seen as a secondary function, the notion is mostly called definiteness, i.e. the suffixes are used like definite articles. Nikolaeva (2003) does not refer to the definiteness approach but calls the use of the suffixes *identifiability* and *associative relationship* because the suffixes rather encoded a relationship between two entities in both their functions: the core meanings of possession as well as a broader concept which is then called non-possessive. Also Fraurud (2001: 262) concludes that grammaticalization from a strictly possessive suffix to a suffix used like a definite article is not likely and both functions are properly inherent to the suffix set.

This study is based on the *Selkup spoken language corpus* which is being developed within the DFG project (WA 3153/3-1). The final corpus will consist of around 5,000 sentences containing texts from different genres (e.g. tales, life stories); the present corpus consists of 2,500 sentences.

The analysis of the current corpus has shown that all notions summarized under *identifiability* by Nikolaeva (2003) can indeed be found in Southern Selkup: unique objects like ‘sun’ are mostly marked with a PX.3SG as shown in example (1):

- (1) *ü:di-m-ba, če:l-di pat-pa.*
evening-TRL-PST.NAR.3SG sun-PX.3SG go.down-PST.NAR.3SG
‘Night fell, the sun went down.’ (SAI_1984_StoryAboutLife_nar/8, Narym)

Also periods of time are mostly marked with a possessive suffix, example (2) shows that for the expression “summer”:

- (2) *tay-a-t malma-nə*
summer-EP-PX.3SG go.off-AOR.3SG.S
‘Summer went by.’ (KKN_1971_IvanAndGod_flk/41, Middle Ket)

Another large group according to Nikolaeva (2003) is the anaphoric use of the possessive suffix. That use is also to be found in the present Southern Selkup texts: in example (3a) the brother and sister are introduced, the brother is already marked with a possessive suffix as an definiteness marker. In example (3b) the siblings are mentioned again and now both marked with a possessive suffix in a non-possessive but anaphoric function:

- (3a) *ugon elli-mba-q t’emn’a-di nen’n’a-si-q [...]*
earlier live-PST.REP-3SG.S brother-PX.3SG sister-COM-DU

- (3b) *n'en'n'a-di* *ma:t-qit* *a:b-i-p* *pod-e-špa-t*,
sister-PX.3SG house-LOC food-EP-ACC cook-EP-IPFV-3SG.O
t'emn'a-di *maž'o-yit* *hurup* *qwad-e-špi-nd-i-t*
brother-PX.3SG taiga-LOC wild.animal kill-ep-IPFV-AOR-EP-3SG.O
'There lived a brother with his sister. [...] The sister cooked in the house, the brother
hunted wild animals in the taiga.' (MNS_1984_BrotherSister_flk/1;4, Parabel)

Southern Selkup also behaves like most other Uralic languages in that the use of the suffix in a non-possessive function is always optional, never obligatory.

Further investigation is needed in respect to the use of the suffixes of other persons, especially the use of PX.2SG needs to be considered carefully – its non-possessive use has been stated for Northern Samoyedic languages (Siegl 2015) and also Nikolaeva (2003) points out that 2*P*-suffixes can be used in particular to mark associative relationships.

References

- Fraurud, Kari 2001. Possessives with extensive use: a source of definite articles? In Baron, Irène – Michael Herslund – Finn Sørensen (eds.) *Dimensions of possession. (Typological Studies in Language 47.)* Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 243–267.
- Nikolaeva, Irina 2003. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: evidence from Uralic. In Suihkonen, Pirkko – Bernard Comrie (eds.) *International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 22–25, 2001. Collection of papers.* Izhevsk and Leipzig: Udmurt State University and Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 130–145.
- Siegl, Florian 2015. *The non-possessive use of PX.2P in Nganasan and Dolgan – a reappraisal.* *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 39, 67–100.

С. И. Буркова

Новосибирский государственный технический университет

О ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЯХ ЭНКЛИТИКИ =МА В ТУНДРОВОМ И ЛЕСНОМ НЕНЕЦКИХ ЯЗЫКАХ

В тундровом и лесном ненецких языках имеется ряд морфологических показателей, которые функционируют в составе независимого сказуемого, располагаясь в абсолютном конце словоформы после всех словоизменительных аффиксов. По своим характеристикам они соответствуют большинству критериев, сформулированных в [Zwicky, Pullum 1983] для клитик — единиц, занимающих на линейно-синтагматическом континууме промежуточное положение между словами и аффиксами. В докладе будет рассмотрен один из этих показателей — энклитика =*ma*.

В грамматике тундрового ненецкого языка [Nikolaeva 2014] энклитика =*ma*, названная ассертивной, характеризуется как преимущественно выражающая несомненный факт (certainty). Там же отмечается, что =*ma* не сочетается с отрицательным глаголом *n'i-* ‘не’; в конструкции стандартного отрицания в качестве отрицательного аналога =*ma* выступает «эмфатический» отрицательный глагол *wun'ǎ-* ‘ведь не’ [Ук. соч.: 121, 281]. Наше собственное исследование показывает, что принципиально важным свойством показателя =*ma* (как и его отрицательного аналога (т.н.) *wun'ǎ-* / (л.н.) *win'ǎ-*) в обоих ненецких языках является связь с функционированием дискурса.

Примеры употребления энклитики =*ma* можно разбить на две группы: 1) предложения, в которых говорящий сообщает о Р; =*ma* в этом случае выступает в сочетании с глаголом в форме индикатива или с именем; 2) предложения, в которых говорящий выражает желание реализации Р; =*ma* в этом случае выступает в сочетании с глаголом в форме гортатива, императива, юссива или эмфатического оптатива. Как отмечается в [Баранов и др. 1993], естественно предполагать, что единице, основной функцией которой является дискурсивная, соответствует одна операция или функция, которая сохраняется во всех контекстах, хотя и может подвергаться некоторым модификациям. Анализ более «длинных» контекстов позволяет увидеть, что в обоих случаях функция энклитики =*ma* связана с маркированием каузальных отношений между двумя фрагментами дискурса, при этом в первом случае =*ma*, как правило, маркирует причину / обоснование, а во втором — каузальное следование.

В первой группе примеров =*ma*, как правило, вводит фрагмент информации В, являющийся аргументом в пользу некоторого другого фрагмента информации А и необходимый, с точки зрения говорящего, для правильной интерпретации адресатом А, ‘А, потому что В’: (1)² {А} *Та мальцгана ненэча*” *эльче тыхынавэй*”. {В} *Та мальцгана хор*” *юнгу-вэй=ма* (отсутствовать-EV_{тг}-S.3PL=CL₁). *Ненэй тум мэ-пэй-*”=*ма* (использовать-EV_{тг}-S.3PL=CL₁). ‘{А} Тогда люди очень мучились. {В} Тогда ведь печек не было. Использовали настоящий огонь’ [ПМ]. Реже, обычно в нарративах, =*ma* кодирует

² Здесь и далее в связи с ограниченностью объема приводятся примеры только из тундрового ненецкого языка.

каузальное следование, 'А, и вот поэтому В': (2) {А} — *Ҥэсы' ҥацекеы", тыда" сюрте-хэръяда"*, *Ёнэ Тэта Вэра пойм' ныкалта, хасенавы ё, ё манзабтаңу*. {В} *Ҥэсы' ҥацекеы" толырти ёнарм' ңули' паромбари сюрте-й-ду=ма* (окружить-ОБ.PL-O.3PL=CL₁). {А} — Пастухи соберите оленей, Средний Вэра далеко уйдёт, шуму надевает. {В} [И вот] пастухи быстро собрали несчетное стадо [Вануйто и др. 2010: 320]. Во всех примерах из второй группы В, маркируемое энклитикой =та представлено как обоснованно вытекающее из А, 'В, потому что А': (3) {А} — *Вэсако! Тикы Ҥатекы мамонданню сими пюрмандами юңу*, {В} *ҥатекэдми мэ-хэ-ми-ма* (взять-HORT-S.1DU=CL₁). 'Старик! Этот Ребенок сказал, что искать его некому, [так] в дитяти возь-мем-ка' [Пушкарева, Хомич 2001: 136]; (4) {А} — *Хабихи"на ңод" ңани' мутрата" тая", луцари" ни" мутрат"*. *Луца вэсако маси"*: {В} — *Тикавахана мутрадами мэс"ма* (сделать-IMP.S.2SG=CL₁). '{А} — Среди хантов тоже есть волшебники, не только русские умеют творить чудеса. Русский старик говорит: {В} — Тогда покажи мне чудо' [Янгасова 2001: 59]; (5) В} — *Хаби' ня яңго мунзя-рава-на-ва* (молчать-E.OPT-S.2SG=CL₁), — *писякор тарем' ма*. {А} — *Хора янде"эр си"емд сидит няд сюртехэя, енядаркая хаесетынё"*. '{В} — Лучше бы ты молчал, хантыйский деревянный капкан, — так сказала мышка. {А} — Кобель-то тебя всегда оставляет, со всех сторон закидав землей' [Янгасова 2001: 124].

Для более точного описания энклитики =та необходимо и сравнение ее с другими аналогичными показателями. В обоих ненецких языках в составе независимого сказуемого употребляется также энклитика (т.н.) =т? / (л.н.) =т. В [Nikolaeva 2014: 121] она названа дубитативной и характеризуется как выражающая либо сомнение, альтернативный вопрос и другие виды дизъюнкций (обычно в составе условной формы глагола), либо эмфатическое утверждение (в конструкциях с отрицательным глаголом). В последнем случае эта энклитика пересекается, на первый взгляд, по функциям с энклитикой =та. Учет контекстов позволяет увидеть, что энклитика =та вводит такую информацию, которая, с точки зрения говорящего, может быть не известна адресату, но важна для построения им правильного знания: 'сообщаю, что Р'. Информация, вводимая конструкцией с отрицательным глаголом и энклитикой =т?, является, с точки зрения говорящего, известной и очевидной для адресата, однако при этом в поле зрения адресата может присутствовать альтернатива Р — Р¹. Говорящий, употребляя данную конструкцию, «возвращает» адресата к релевантной информации: 'напоминаю, что Р (а не Р¹)'. Ср.: *Тикы харта маню"*: «*Тикы то"лаха вэсаку мятав мер' мипато' тара-ни=в* (быть.нужным-NEG.S.3SG=CL₂). *Тари ңод хардадо' тикахана хаё-да=ва* (остаться-FUT.S.3SG=CL₁)». 'Да он же сам сказал: «Таким старикам жилье же надо быстрее давать. Да и жилье их и так ведь останется [т. е. после их смерти]»' [ПМ].

Литература

- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
- Вануйто Э. Б., Вануйто В. М., Буркова С. И. Няхар" Хэхо" то" Вэра" // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике, Новосибирск, 26—28 октября 2010 г. Новосибирск: Любава, 2010. С. 292—353.
- ПМ — полевые материалы автора, Ямало-Ненецкий АО, 2006 г.
- Пушкарева Е. Т., Хомич Л. В. (сост.) Фольклор ненцев. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23. Новосибирск: Наука, 2001.
- Янгасова Н. М. (сост.). Ненэцие" лаханак", сюдбабц", ярабц" (Ненецкие сказки и эпические песни «сюдбабц», «ярабц») / Под ред. М. Я. Бармич. Томск: Изд-во Томского университета, 2001.

Nikolaeva I. A Grammar of Tundra Nenets (Mouton Grammar Library. Vol. 65). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

Zwicky A. M, Pullum G. K. Clitization vs Inflection: English n't // Language. 1983. Vol. 59, No. 3 (Sep. 1983). Pp. 502—513.

Условные обозначения

л.н. — лесной ненецкий язык; т.н. — тундровый ненецкий язык; CL₁ — энклитика =та; CL₂ — энклитика =mʔ/=m; CN — коннегатив; DU — двойственное число; E.OPT — эмфатический оптатив; FUT — будущее время; HORT — гортатив (императив 1-го лица); IMP — императив (2ого, 3-го лица); NEG — вспомогательный отрицательный глагол; O — объектное спряжение; PL — множественное число; R — рефлексивное спряжение; S — субъектное спряжение; SG — единственное число.

Т. В. Волдина

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

ОБЩЕЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ДУШЕ В ОБСКО-УГОРСКИХ И САМОДИЙСКИХ КУЛЬТУРАХ

При видимых существенных различиях в культурах обских угров и самодийцев обнаруживается древняя общая основа. В результате многовекового межкультурного диалога в контактных зонах сложились схожие комплексы культурных традиций и общее отношение к жизни, что неоднократно отмечалось исследователями. Духовное родство этих культур прослеживается:

1. В архетипах — древнейших мифологических символах;
2. В актуальных традиционных верованиях, обычаях и обрядах.

Общее в мифопоэтической картине мира — основа для взаимодействий и заимствований в ритуально-обрядовой сфере. К ней относятся представления о душе, о священных животных, деревьях, почитание духов природы, обычаи жертвоприношений на священных местах и т. д. Эти традиции в определённой мере сближают их и с другими народами, но в данном случае уместно говорить о едином для угров и самодийцев исторически обусловленном семиотическом поле, возникшем на основе взаимопроникновения традиций.

Для обских угров характерны представления о двух составляющих человеческой души: *lil* (хант.) / *lili* (манс.) — душа-дыхание и *is*, *is-χor* (хант., манс.) — душа-тень. Душа *lil* / *lili* ассоциируется с понятием «дух», её называют также «маленькая душа», «внутренняя душа», «душа-птица». Она периодически способна возрождаться в Среднем мире и имеет связь с миром Верхним. Душа *is* связана с жизненной энергией человека и имеет условное деление на 4-5 частей, с потерей которых человек слабеет, болеет, а при возвращении его жизненный тонус восстанавливается. Душа *is* имеет свойство впитываться в личные вещи человека и несёт информацию о нём; после смерти попадает в Нижний мир, по мере разрушения тела — исчезает.

В представлениях самодийских народов о душе также выделяются две составляющие. У ненцев: «Понятия „и“ („мысль“, „разум“), „ил“ („жизнь“, „движение“), „инд“ („дыхание“), обозначавшие различные состояния и настроения человека, имели, по-видимому, одну основу — „и“, выражавшую признаки и силы жизни. Тень („телесный образ человека“) называлась „сидрянг“ („сидянг“) в значении „разделённое надвое“ (плоть, лишённая души)» (А. В. Головнёв). У селькупов в комплекс сложной души обычно включается дыхание (*кэйты*), тень (*тика*) и так называемая ‘жизненность’ (*ильсам*). Т. Лехтисало отмечал у всех самодийцев наличие «свободной души» или «двойника» ... и «телесной души» или «души-дыхания». Приведённая информация по самодийцам очень близка по своей сути обским уграм. Не случайно слово ‘душа’ в этих языках возводится исследователями к прауральскому наследию.

У обских угров архетипическая модель «циркуляции» душ *lil* / *lili* может быть представлена через образ Древа Жизни, находящегося в Верхнем мире. Его олицетворяет семиствольная берёза с восседающей на ней птицей. Это орнитоморфный образ

богини *Kaltas'* (сев. хант., сев. манс.), посылающей в Средний мир человеческие души и забирающей их обратно. Души и духи-предки также представляются в образе птиц. Местом их обитания также является Древо Жизни. При рождении человека в Среднем мире, *Kaltas'* посылает одну из душ для вселения в новорожденного. По окончании жизненного пути человека, они возвращаются обратно, напитываясь силами для нового воплощения.

Т. Лехтисало писал: «Есть у юрако-самоедов и представления о столбе, на котором якобы покоятся миры, а на священных местах видны даже его изображения. И древо жизни ..., кажется представлено в неосознанной форме в сказаниях и песнях ворожеев. Например, семиветвистая священная береза...». Описывая изображения мировых столбов западно-сибирских ненцев, он отмечал также, что на его вершине присутствует фигура птицы. Существуют представления и о душах-птицах. Так, у селькупов, «все человеческие души какое-то время живут на небе (после смерти человека) в образе человека-птицы».

С архетипом древа жизни связан обычай обских угров и самодийцев вешивать на деревья пожертвования духам. В древности у угро-самодийских племен встречались и захоронения на деревьях. В настоящее время они фиксируются довольно редко, но сохраняются только в погребении детей и шаманов. В погребальной обрядности имеются и другие схожие элементы различных контактирующих групп ненцев и хантов. Например, такие параллели описаны в погребальном обряде надымских ненцев и хантов. Определённо значимым элементом данного обряда у изучаемых этносов является изготовление куклы-заместителя умершего.

Зафиксированы также у обских угров и самодийцев близкие традиции, связанные с именаречением, согласно которым имя — инструмент магической защиты человека и имеет отношение к его духовной сути.

А. В. Головнев

Институт истории и археологии УрО РАН

НОМАДИЗМ И ТУРИЗМ: МАРКЕТИНГ НЕНЕЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Ответы арктических кочевников на внешние социальные вызовы часто непредсказуемы. Например, в эпоху новгородско-поморской колонизации Севера самоеды двинулись навстречу русским и включились в их сеть торгового партнерства, а на московскую военно-административную экспансию ответили «бегством в оленеводы» — уходом в дальние тундры, стремительным наращиванием стад, упорным неприятием военного, религиозного и правового давления. Столь же стойко они сопротивлялись насильственным мероприятиям Советской власти 1930-х, когда по тундрам прокатились ненецкие антисоветские восстания (мандалада) 1934 и 1943 гг. Вместе с тем им удалось на свой лад применить советские стандарты, в частности приспособить для кочевых нужд колхозно-совхозную систему. В условиях социализма они сумели сохранить частную собственность на оленей, с чем связан бурный взлет ненецкого оленеводства в постсоветское время: ненцы едва ли не первыми в России использовали собственный этнокультурный ресурс в частном производстве, попутно выдвинув целый ряд ярких общественных деятелей. Для внешнего управления кочевники всегда были неудобны, зато сохраняли потенциал самостоятельного действия, причем не только в поддержании традиций, но и в их преобразовании.

В начале 1990-х этнографы сокрушались по поводу утраты народами советского Севера традиционной культуры, однако вскоре среди народов обнаружили не только потерпевшие, но и вполне успешные. Рейтинг успеха в сохранении этнокультурной самобытности уверенно возглавили ненцы, причем не только в Арктике, но и в кочевом мире планеты. Глобальная Сеть легко превратила это «открытие» в бренд и моду: образы тундровых кочевников замелькали на ТВ и в Интернете, а Ямал стал местом паломничества этнофилов и спонтанного развития этнотуризма. При этом случился неожиданный для науки поворот: ненецкая этнография вдруг оказалась не только знанием о народе, но и бизнес-ресурсом. Сегодня почти в каждом чуме есть своя история визитов этнографов и теле-кинобригад из разных стран; обычными среди ненцев стали обсуждения, кто в каком фильме снимался; среди них появились менеджеры-посредники, организующие этнотуры; в тундре циркулируют слухи и легенды о чудо-вознаграждениях за этноуслуги. В весенний День Оленевода, когда к ямальскому райцентру Яр-Сале съезжаются кочевники-олeneводы, возникает нечто похожее на туристический трафик: этнотуристы разных стран делят нарасхват кочевые бригады; иногда на одном стойбище встречаются разные группы гостей, портящих друг другу ощущения первозданности. Тундровая этнотуриндустрия быстро развивается, чему в немалой степени способствует сотовая и кибер-связь. Однако сами ненцы ощущают конфликт между старым этикетом, когда гостевание обходилось без предупреждения и оплаты, и новыми нормами коммерческого приема и оказания этноуслуг.

Еще недавно самобытность не мыслилась как товар; сегодня весь мир переживает этнотуристический бум, и ненцы лишь подхватывают глобальный тренд. Как и в случае с оленеводством, они используют свой собственный этнокультурный потенциал и пока стараются избегать инсценировок, распространенных в других странах. Не исключено, что вскоре ненцы наладят школу номадизма и оленеводства, которую будут посещать любители экзотичного фитнеса. Ненцы, как обычно, мобильны в своих решениях и действиях, опережая изучающих их этнографов. Несмотря на новое измерение, этнография остается для них ситуативно изменчивой жизненной практикой, тогда как этнографов смущает темп перемен и осознание того, что их наука приобретает качество валюты.

В. Ю. Гусев

Институт языкознания РАН / DFG

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СЕВЕРОСАМОДИЙСКАЯ ПОДГРУППА

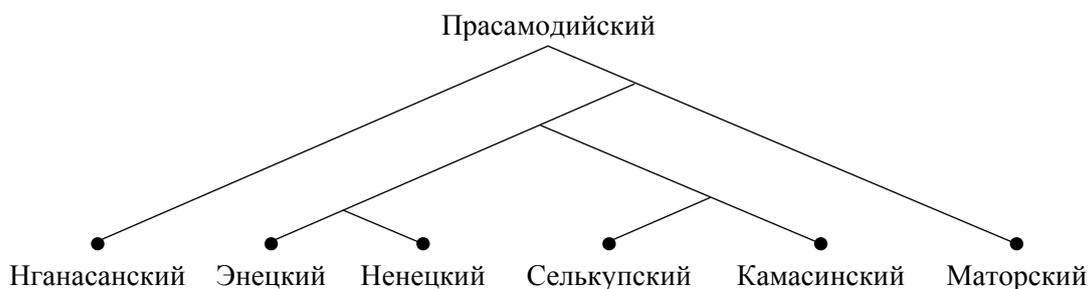
Как известно, традиционно самодийская семья делилась на две большие ветви: северную, в которую входили ненецкий, энецкий и нганасанский языки, и южную, включавшую селькупский, камасинский и маторский. При этом, однако, отмечалось, что северносамодийские языки существенно более сходны между собой, чем южные (см., например, [Hajdú, Domokos 1987: 157—159]). В 1982 г. Е. А. Хелимский показал, что селькупский, камасинский и маторский языки не обладают существенными общими чертами, которые давали бы основание для выделения отдельной ветви, и предложил четырехчленное деление самодийской семьи языков [Хелимский 1982: 38—47]:

Там же на основании лексикостатистических данных подчеркивается правомерность выделения северносамодийской ветви.

В неопубликованном докладе 1997 г. Е. А. Хелимский вернулся к вопросу о классификации самодийских языков и отметил близость маторского языка к ненецкому и энецкому.

Наконец, в 1998 г. Ю. Янхунен [Janhunen 1998: 459] радикально изменил классификацию самодийских языков, предположив, что первым отделился нганасанский язык, а за ним — маторский, остальные же языки попарно объединены в подгруппы:

При этом сходства между соседними на этой схеме языками, в том числе между, по традиционной классификации, «северосамодийскими», объясняются контактным влиянием.

Эта классификация попала и в некоторые энциклопедические ресурсы — такие, как «Glottolog» (glottolog.org), где четыре «центральные» языка объединены под названием

«Core Samoyedic». Таким образом, на сегодня она в определенной степени представляет собой «стандартную» схему, на которую ориентируются в том числе неспециалисты.

Наш доклад представляет собой полемику с этой классификацией. Мы постараемся предложить ряд аргументов в пользу традиционного взгляда, объединяющей ненецкий, энецкий и нганасанский языки в единую группу.

Во-первых, о большом сходстве нганасанского языка с ненецким и энецким говорят лексикостатистические данные (мы взяли за основу данные из [Хелимский 1982: 129—133], однако немного модифицировали список, основываясь на статье [Kassian et al. 2010], и сверили данные прежде всего по нганасанскому и маторскому языку, по которым с 1982 г. был накоплен значительный новый материал; цифры округлены до десятых долей процента).

	нен. Т	эн. Т	нган.	сельк. С	кам.	мат.
нен. Т		80,2	69,8	64,6	59,4	65,6
эн. Т			80,2	65,6	61,5	67,7
нган. С				57,3	60,4	64,6
сельк.					59,4	57,3
кам.						60,4

Уточнение значений может немного изменить цифры, однако вряд ли принципиально. Также, разумеется, необходимо более полно учесть диалектные данные — прежде всего, включить ненецкий лесной, энецкий лесной и южные селькупские диалекты. Но и по имеющимся данным хорошо видно, что сходство между ненецким и нганасанским (70%) намного превышает минимальные цифры для самодийской семьи (57—60%) и, таким образом, не позволяет говорить о раннем отделении нганасанского. А процент общей лексики нганасанского и энецкого языка, равный аналогичной цифре для энецкого и ненецкого, свидетельствует о том, что контакт между энецким и нганасанским никогда не прерывался.

Что касается исторической фонетики, то в самодийских языках не получается выделить изоглоссы, которые бы давали хорошее деление на отдельные ветви. Ниже приведен список некоторых фонетических изоглосс, и видно, что каждая из них делит самодийские языки по-разному (со знаком «>» даются рефлекссы в том случае, если переход произошел заведомо в эпоху самостоятельного существования данного языка; через вертикальную черту «|» приводятся диалектные различия).

	нен. Т	эн. Т	нган.	сельк.	кам.	мат.
*k (i)	s	s	s	š	š	k
*k (e, ä, ü)	s	s	k	š	š	k
*č	t	t	t	Ю č C č > t	t	t
*p	p	p > f	p > h	p	p	h
*-m-	w	b / 0	m	m w	m	m
*-C	-?	-?	-?	-C / -N	-?	-C / -N / -?
*-N	-?	-?	-N	-N	-N	-N
*-w (C/#)	-C > 0	-C > 0	-C/-ŋ > 0	0	0	h

Мы предлагаем обратить особое внимание на морфологические черты, объединяющие ненецкий, энецкий и нганасанский языки. Верно, что грамматические структуры легко заимствуются; однако показатели при этом заимствуются очень редко, и сходные структуры обычно строятся из собственных элементов каждого языка. Три северсамодийских языка же обладают почти идентичными системами а) словоизменения имен и б) лично-числового спряжения глаголов, практически совпадающими не

только структурно, но и материально. Более того, эти три языка имеют очень похожие системы чередований конечных гласных основы — чередований перед существовавшим когда-то йотом; эти чередования синхронно отличаются (поэтому они не могли быть заимствованы), но структурно совершенно схожи:

	нен. Т	эн. Т	нган.
* <i>uta</i> ‘рука’	<i>нуда</i>	<i>ида</i>	<i>d’ütü</i>
* <i>uta-j-nat</i> -Pl-1Pl	<i>нуди-на”</i>	<i>иде-на?</i>	<i>d’üda-(j)ñü?</i>
* <i>mät</i> ‘чум’	<i>мя”</i>	<i>те?</i>	<i>та?</i>
* <i>mät-ə-t</i> -Pl	<i>мяд-о-”</i>	<i>тед-о-?</i>	<i>тад-ə-?</i>
* <i>mät-ə-j-nat</i> -Pl-1Pl	<i>мяд-о-на”</i>	<i>тед-и-на?</i>	<i>тад-и-(j)ñü?</i>

Особенно показательно существование редких типов, общих для разных языков. Так, в ненецком есть только два существительных с чередованием в основе *-я* → *-э*: это *яля* ‘день’ и *халя* ‘рыба’ (род. мн. *халэ”, ялэ”* [Salminen 1997: 121]). В нганасанском есть три существительных с чередованием *-j* → *-а*: это те же *d’alj* ‘день’ и *kolj* ‘рыба’, а также *bälj* ‘песня’, не имеющая ненецкого соответствия (род. мн. *d’ala?, kola?, bala?*). Очевидно, что эти случаи представляют собой общий архаизм.

Наконец, упомянем систему чередования ступеней согласных, которая сохранилась в нганасанском языке и следы которой очевидно прослеживаются в ненецком и энецком [Helimski 1995]. Независимо от того, связаны ли эти чередования с их аналогами в финно-угорских языках, в ненецком, энецком и нганасанском невозможно говорить об их независимом происхождении. Напротив, селькупский, камасинский и маторский таких чередований не имеют. Этот пример менее показателен, если мы возводим эти чередования к прауральской эпохе, поскольку в этом случае перед нами не общая инновация, а общий архаизм; однако и практически идентичное сохранение этой архаической черты на совершенно разных ветвях генеалогического древа выглядит маловероятным.

Таким образом, мы полагаем, что факты грамматики и морфонологии не дают возможности отделять нганасанский язык от ненецкого и энецкого. Лексикостатистика также свидетельствует в пользу их объединения.

Падежная система маторского языка тождественна северосамодийской по составу падежей и аффиксам единственного числа. Данные о маторской морфонологии практически отсутствуют, и мы не знаем, разделял ли он какие-либо из ее черт с северосамодийскими языками. Но то, что эти черты сформировались в эпоху общего существования как минимум ненецкого, энецкого и нганасанского языков, представляется очевидным.

Литература

- Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М.: Наука, 1982.
- Hajdú Péter, Domokos Péter. Die Uralischen Sprachen und Literaturen. Hamburg: Buske Verlag, 1987.
- Helimski Eugen. Proto-Uralic gradation: Continuation and traces // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I: Orationes plenariae et conspectus quinquennales. Jyväskylä, 1995, p. 17—51.
- Helimski Eugen. Mator and Northern Samoyed. (Materials to a paper read on May 16, 1997 for the Finno-Ugric Society, Helsinki).
- Janhunen Juha. Samoyedic. In Daniel Abondolo (ed.), The Uralic Languages. London; New York: Routledge. 1998. P. 457—479.
- Kassian Alexei, Starostin George, Dybo Anna, Chernov Vasilij. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship, No. 4 (2010). P. 46—89.
- Salminen Tapani. Tundra Nenets Inflection. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1997.

Chris Lasse Däbritz

Georg-August-Universität zu Göttingen

**ON THE INDICATION OF NOMINAL PLURALITY
IN SAMOYED LANGUAGES
AND ITS IMPLICATIONS ON THE RECONSTRUCTION
OF PROTO-URALIC**

As it is widely known, plurality is a nominal category which shows large variation both in Samoyed languages and, more general, in Uralic languages. One finds distinctions between the nominative case and oblique cases on the one hand and between an “absolute” and a “possessive” declension on the other hand.

The marker of absolute plurality in the nominative case is in most cases Proto-Samoyed (PS) **-t* with its correspondences in the modern languages (Mikola 2004: 101f.). However, Southern Selkup has developed a new plural marker *-la* ~ *-la* (Bekker et al. 1995: 54) and Kamass has etymologically different plural suffixes *-zaŋ* and *-iʔ³* (Joki 1944: 128).

Marking plurality in oblique cases differentiates in Northern and Southern Samoyed languages. Northern Samoyed languages show traces of PS **-j*, whereas Selkup and Kamass have generalized their nominative plural marker into all cases of the plural paradigm (Mikola 2004: 101ff.). Nganasan and Nenets show the pure traces of PS **-j* in the accusative plural, Enets has added *-ʔ* (< PS **-t*) from the nominative (Mikola 2004: 103). The genitive plural is formed in all Northern Samoyed languages by combining the reflexes of PS **-j* and **-t*, whereas Nganasan shows some irregularities (Mikola 2004: 103). In the lative, locative and ablative case of the plural paradigm Nganasan and Enets have inserted the **-j* from the accusative plural (Wagner-Nagy 2002: 78; Sorokina 2010: 116ff.; Mikola 2004: 103f.). The Nenets paradigm is somewhat more complicated, as according to Mikola (2004: 103f.) those cases are formed on the base of the lative case, which itself is a combination of the coaffix PS **-kâ* and the lative suffix PS **-tâ* (< PU **-sV* ?). However, the non-nasalized glottal stops in the Nenets forms are also very similar to the nominative plural marker, for which one may argue for a connection between these two. The prolative plural is formed in all Northern Samoyed languages on the basis of the genitive plural (Mikola 2004: 104).

Plural possession is expressed in all Northern Samoyed languages with the reflexes of PS **-j* (Mikola 2004: 109). Northern Selkup shows the same, whereas Central and Southern Selkup show great variation: According to Bekker et al. (1995: 59) the suffixes *-tV*, *-la* ~ *-la*, *-i*, *-ni* can be found in the plural possessive declension. The etymologies of *-tV* and **-i* are obviously PS **-t* and **-j*. *-la* ~ *-la* is often traced back to the (Proto-)Uralic collective suffix **-la* (Mikola 2004: 102) and *-ni* is often said to show an old Proto-Uralic *n*-element indicating plurality of possession (i.a. Mark 1925: 249; Korhonen 1981: 234). Kamass shows the same suffixes as in the absolute declension (Joki 1944: 137ff.).

³ Morphological alternations are not named here.

This talk aims to clarify the situation of marking plurality in Samoyed languages and to discuss its implications on the reconstruction of Proto-Uralic. Special attention will be paid to the marking of oblique plural cases and to the marking of plurality of possession.

Sources

- Bekker, E.G. et al. 1995. *Morfologija sel'kupskogo jazyka. Južnye dialekty*. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut.
- Joki, Aulis. 1944. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII. Helsinki: SUS.
- Korhonen, Mikko. 1981. *Johdatus lapin kielen historiaan*. SKST 370. Helsinki: SKS.
- Mark, Julius. 1925. *Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen. 1. Hälfte*. SUST 54. Helsinki: SUS.
- Mikola, Tibor. 2004. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen*. Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy. SUA 45. Szeged: SzTE, Finnugor Tanszék.
- Salminen, Tapani. Nenets. In: Abondolo, Daniel (ed.). 1998. *The Uralic languages*. London: Routledge, 516-547.
- Sorokina, Irina P. 2010. *Eneckij jazyk*. Sankt-Peterburg: Nauka.
- Wagner-Nagy, Beáta (ed.). 2002. *Chrestomathia Nganasanica*. SUA, Supplementum 10. Szeged: SzTE, Finnugor Tanszék.

О. Э. Добжанская

Арктический государственный институт культуры и искусств

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ФОЛЬКЛОРУ
ТАЙМЫРСКИХ НЕНЦЕВ И НГАНАСАН
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2014—2015 гг.)⁴**

Комплексная музыкально-этнографическая экспедиция по проекту Российского научного фонда «Создание лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» проводила полевые исследования традиционной культуры народов Таймыра в ноябре 2014 г., в г. Дудинка, поселках Носок и Тухард (сельское поселение Караул). В составе участников экспедиции были А. С. Романов (режиссер), О. Э. Добжанская (музыковед-фольклорист), Р. М. Слепцов (оператор), Н. А. Смирнов (географ, художник), П. Г. Жуков (видео-художник).

В ходе экспедиции были проведены и засняты интервью со знатоками традиционной культуры малочисленных народов Таймыра, сделаны записи фольклорных исполнителей, произведены спонтанные полевые съемки событий культурной жизни этносов Таймыра. Произведены видео- и аудиозаписи фольклорных произведений на ненецком, нганасанском языках (песенные сказания *хыннабц*, сказочная проза *лаханако*, ненецкие и нганасанские песни разных жанров).

От Семена Эттовича Яра (1952 г.р.) из поселка Носок, были записаны образцы повествовательных и песенных жанров фольклора (*хыннабц*, *лаханако*, *сё*) с пересказом сюжетов на русский язык. Записи музыкального фольклора таймырских ненцев произведены также от оленевода Михаила Хансутовича Яптунэ (1961 г.р.), школьного сторожа Лилии Янковны Тэседо (1967 г.р.), корреспондента ВГТРК Розы Янковны Яптунэ (1963 г.р.). Нганасанские песни записаны от Алексея Николаевича Чунанчара (1982 г.р.).

В декабре 2015 г. на состоявшемся в Дудинке районном фестивале народного творчества «Фольклорная классика Таймыра» у автора была возможность работать со знатоками нганасанского фольклора из поселка Усть-Авам Евдокией Демнимеевной Порбиной (1938 г.р.) и Татьяной Демнимеевной Туркиной (1945 г.р.). В ходе интервью обсуждались и уточнялись сведения относительно функции и особенностей музыки в шаманском обряде и обрядах жизненного цикла. Были записаны образцы шаманских напевов, иносказательных, личных и детских песен. Записанные материалы нуждаются в цифровой обработке и дальнейшем изучении.

В докладе планируется представить записанные в поселке Носок от С. Э. Яра образцы песен о животных и звукоподражаний (в аудиозаписи, а также в нотной записи с ненецкими текстами и переводом). Запись и перевод текстов: Р. Я. Яптунэ (г. Дудинка, корреспондент ВГТРК), М. Я. Сатиболдиева (г. Дудинка, преподаватель Таймырского колледжа). В ходе выступления будут демонстрироваться фотографии, снятые в поселке Носок и г. Дудинка в 2014—2015 гг.

⁴ Доклад подготовлен при поддержке проекта Российского научного фонда «Создание лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики», № проекта 14-38-00031.

О. А. Казакевич

МГУ имени М. В. Ломоносова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА В ЕГО УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМЕ

О функциональных стилях обычно говорят применительно к литературному языку (см. например [Беликов, Крысин 2001: 45]). Однако представляется, что с некоторой степенью условности можно применить это понятие, равно как и понятие речевого жанра, для рассмотрения специфики разных типов речевых произведений (текстов) на языке, не имеющем наддиалектного стандарта, а существующем как совокупность локальных вариантов (говоров / диалектов), каждый из которых функционирует (или функционировал) преимущественно в устной форме, но на некоторых в разное время были созданы и получили ограниченное развитие локальные письменные традиции.

Селькупский язык всегда функционировал как совокупность говоров и диалектов, объединявшихся в пять наречий (по Е. А. Хелимскому) — северное, тымское, нарымское, обское и кетское [Кузнецова и др. 2002: 13]. Сегодня говоры четырех последних наречий в совокупности представлены всего несколькими очень пожилыми носителями. Сфера функционирования их устной формы ограничена спорадической работой с лингвистами и выступлениями фольклорных ансамблей. Зато на парабельском говоре нарымского наречия в последнее десятилетие силами одной из двух оставшихся носителей этого диалекта интенсивно развивается его письменная форма: с русского языка на парабельский говор селькупского переводятся рассказы о жизни, сказки, песни [Сказки 2014]. Среди переводов преобладают тексты разговорного и художественного стилей, но есть и небольшие публицистические тексты.

Сохранность разных говоров северного наречия различна: если елогуйский говор представлен последней носительницей, то верхнетазовский (раттовский и нижнетолькинский) и верхнетолькинский говоры в отдельных семьях еще передаются от родителей к детям. При этом мы Письменная традиция существует на среднетазовском говоре (с 1931 года, учебники для 1 и 2 классов) и на верхнетазовском говоре (с 1980 года). В современных школьных учебниках селькупского языка (1—4 классы) используется верхнетазовский говор. Большинство текстов учебников — это переводы с русского языка. В текстах учебников представлены разговорный, художественный, публицистический и в небольшом объеме научный стили. На верхнетазовский говор недавно сделан перевод текста Основного закона ЯНАО [Устав 2008] и законов РФ, имеющих отношение к коренным малочисленным народам [Федеральные законы 2008] (деловой стиль — юридические документы). Кроме того, выпущено три страницы на селькупском языке в районной газете (художественный и публицистический стили).

В докладе предполагается рассказать о лексических и грамматических особенностях текстов разных функциональных стилей и речевых жанров устной речи (разговорный — бытовой диалог, рассказ о жизни, охотничий рассказ и др.; художественный — прозаические и поэтические фольклорные произведения разных жанров; публицистический — некоторые селькупские радио и телепередачи) на говорах северного наречия

селькупского языка, а также об особенностях письменных текстов на среднетазовском, верхнетазовском и парабельском говорах. Поскольку все письменные селькупские тексты являются переводными, будут проанализированы стратегии перевода, использовавшиеся при их создании.

Литература

- Беликов, Крысин 2001 — Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистики. М., 2001.
- Кузнецова и др. 2002 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушкина Е. В., Хелимский Е. А. Селькупский язык. СПб, 2002.
- Сказки 2014 — Сказки бабушки Ирины. Сборник фольклорных и литературных текстов на русском и селькупском языке. Перевод с русского на нарымский диалект селькупского языка — И. А. Коробейникова. Томск, 1914.
- Устав (основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. № 56-зао (На селькупском языке). Салехард, 2008.
- Федеральные законы 2008 — Федеральные законы и законы Ямало-Ненецкого автономного округа (На селькупском языке). Салехард, 2008.

А. А. Ким-Малони, А. В. Терещенко, Е. О. Собашникова

Томский государственный педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОМОРФИЗМА В ФОЛЬКЛОРЕ СЕЛЬКУПОВ

В настоящее время наука о языке претерпевает значительные изменения — от всестороннего изучения системы языка лингвистика обращается к человеку. Современная парадигма языкознания антропологическая. Учитывая доминирующий в настоящее время антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений, представляется возможным говорить о том, что антропологизм пронизывает всю лингвистику.

Язык создается человеком, поэтому в семантике естественных языков запечатлена в основном та картина мира, которая была доступна человеческому сознанию в эпоху формирования языка. Языковая картина мира отражает присутствие человека. Следовательно, сам язык, его структура, схема «скроена» по меркам и потребностям человека (Костомаров, 2014: 199).

Характерной чертой человеческого сознания является способность отождествлять часть и целое, предмет и имя предмета, причину и следствие, цель и средство, живое и неживое. Используя знакомые слова (например, названия частей тела), человек давал имена предметам окружающего мира, частям рельефа или ландшафта (Татаринцева, 2012: 48).

Антропоморфизм как принцип отражения мира становится одним из важнейших способов языковой номинации. Согласно этому принципу, неодушевленные предметы, животные и фантастические существа, не обладающие человеческой природой, могут наделяться разными качествами человека. В фольклоре разных народов такие объекты могут демонстрировать человеческие эмоции, осмысленные действия и речь.

В связи с осмыслением современных исследований как преимущественно антропоцентрических, в данной статье речь пойдет о способах реализации антропоморфизма в фольклоре селькупов. Выбор фольклора как материала исследования обусловлен тем, что фольклор — ценнейший лингвистический источник. Введение в научный оборот как можно большего количества образцов полевых записей фольклорных произведений позволяет сделать выводы относительно специфики культуры и мышления этноса, выявить нюансы в этапах его становления и развития. Изучение селькупского фольклора видится особенно актуальным, поскольку селькупский язык принадлежит к категории языков, не имеющих древних письменных традиций.

Реализация принципа антропоморфизма в селькупском фольклоре будет рассмотрена с лексико-семантической точки зрения, а именно будут выявлены составные компоненты наименований, которые восходят к названиям человека, частей тела человека и действий, характерных для жизнедеятельности человеческого социума.

Убедительным примером антропоморфного восприятия мира могут служить обозначения природных объектов, которые возводятся к соматической лексике.

В районе р. Кеть Томской области имеется ряд гидронимов, первый компонент которых — название животного или сорта рыбы, а второй компонент — *ak* — «рот, устье», например:

tede-l-ky-n-ak

выдра-ADJ-река-GEN-устье/рот

‘выдреной реки устье’ (Беккер, 1964: 95)

peči-l'-ky-n-ak

щука-ADJ-река-GEN-рот

‘щучьей реки устье’ (Беккер, 1965: 141).

Кроме компонента «рот» в селькупских гидронимах и топонимах встречаются соматические лексемы «шея», «голова» и др., например:

soi-n

исток- GEN

ak

устье

‘устье истока’ (букв. шеи рот)

nat'e-γyt

там-LOC2

qoldy-t

река- GEN

ol

верховье виднеться-3SG.SUB

d-a

‘Там верховье реки (букв. реки голова) виднеется’ (Байдак, 2013: 10, 12).

В фольклоре селькупов имеются многочисленные примеры названий сверхъестественных существ, животных, птиц и неодушевленных предметов с компонентами, обозначающими людей. Например, черта могут называть не только *los*, но и *lōs-ira* ‘черт-старик’, и просто *il'ča* ‘дед’; *tun amba* ‘огня хозяйка’; *madel kup* ‘лесной человек или леший’; *kedol qullaga* ‘букв. туесковые люди’ — культовые деревянные антропоморфные фигурки, хранимые в туеске (Мифология селькупов).

Антропоморфизм предметов и животных может реализовываться глаголами, характерными для жизнедеятельности человека. Предметы, животные или птицы *говорят, поют, танцуют, женятся* и пр. (Тучкова, 2013: 207), (Максимова, 1983: 45)

У сказочных персонажей наряду с характерными чертами человека могут присутствовать признаки, отличающие их от людей. Так, герой сказки *Icakusyka* узнает черта по нечеловеческим следам (Кузнецова и др. 1993: 53).

Очевидно, что процесс номинации предметов, природных объектов, фантастических существ, животных и птиц с использованием антропоморфных компонентов или соединение их с социальными действиями включает процесс метафоризации.

Л и т е р а т у р а

- Байдак А. В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2' 2013, Томский государственный педагогический университет, Томск. С. 9—15.
- Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: дисс. ... к. филол. н. Томск: ТГПУ, 1965. 272 с.
- Беккер Э. Г. Южносамодийские гидронимы Томской области // Топонимия Востока: новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 95—97.
- Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 384 с.
- Быконя В. В. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводом на русский язык. Томск, НТЛ, 1996. 187 с.
- Костомаров П. И. Антропоцентризм как важнейший принцип современной лингвистики. Вестник Кемеровского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (58). С. 198—203.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва, МГУ, 1993. 235 с.

Мифология селькупов / науч. ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.

Полевые записи фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ / сост. Н.П. Максимова. Томск: ТГПУ, 1983. Т. 60.

Татаринцева Е. Н. О некоторых теоретико-методологических вопросах современной антропоцентрической лингвистики. Вестник ВГУ. Филология, журналистика. 2012. № 1 (1). С. 45—49.

Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 205—208.

С. В. Ковылин

Томский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ О РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

В данном исследовании будет произведен краткий обзор лексических заимствований из русского языка в центральные и южные диалекты селькупского языка. Лексические заимствования будут анализироваться на примере глаголов, местоимений и наречий. Также будут представлены наиболее частотные модели формирования сложных предложений в центральных и южных диалектах селькупского языка под влиянием русского языка.

Материалом исследования послужит корпус селькупского языка по центральным и южным диалектам. Данный корпус создается в рамках программы документации исчезающих языков ELDP фонда Hans Rausing и на данный момент насчитывает 25000 словоупотреблений или 4500 предложений.

Носители данных диалектов селькупского языка являются билингвами, но с разным уровнем владения языками. Родной язык выходит из употребления, так как пропадает естественная среда общения, уровень владения русским языком, согласно пометкам в архивных данных, варьируется от информанта к информанту. В связи с этим бывает довольно сложно отличить заимствование от переключения кодов. Данные понятия не будут четко противопоставлены друг другу.

Заимствование глаголов происходит в основном синтетическим способом (1). Маргинально зафиксированы аналитические способы образования глаголов при помощи селькупского глагола |*me*| — ‘сделать’ и русской заимствованной лексемы (2). Также иногда происходит явление переключения кодов (3).

1) *proshchaj-če-gu* (прощаться+VBLZ+INF) — попрощаться; 2) *me-h-ap* (сделать+PST+1SG.OB) *krosta* (крест) — (я) крестилась; 3) *muqtət tobə-p č'und woz'mi* (шесть нога-ACC лошадь возьми). «Шестиногую лошадь возьми».

Под влиянием русского языка в селькупский язык проникла и закрепились русская неопределенная клитика |*-mo*| (4, 5), использующаяся наряду с селькупскими |*-koj*| (6) и |*-em*| (7), и служащая для формирования селькупских неопределенных местоимений и наречий.

4) *qaj-da* — что-то; 5) *kučat-ta* — где-то; 6) *ku-j-em* — где-то; 7) *kaj-kaj* — кто-то;

В центральных и южных диалектах селькупского языка отмечается существование полукалек: местоимений- и наречий-предикативов (8, 9), в которых первый элемент |*n'i-/n'e-*| ‘NEG’ заимствуется из русского языка, второй элемент представлен селькупским местоимением или наречием. Например: |*некого, нечего, негде, некуда*|, «Тогда же мне просто было от него некуда деваться» [Отрицательные местоимения: http://rusgram.ru/Местоимение#sm_neg]. Данная стратегия использования подобных местоимений и наречий не является типичной для центральных и южных диалектов сель-

купского языка. Из русского языка была заимствована целая синтаксическая модель построения предложений с подобными местоимениями- и наречиями-предикативами.

8) *n'e-yaŋ* — нечего; 9) *n'e-kutt'ia* — некуда; *m'eŋ n'e-kutt'ia qattu-gu* (1SG.LAT не-куда деться-INF). «Мне некуда деваться».

Под влиянием русского языка в центральных и южных диалектах селькупского языка используются русские синтаксические модели формирования сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Для связи составляющих их предложений используются русские союзы: *будто, как, что, чтобы, и, а, но, или, то ли*.

Л и т е р а т у р а

Архивные корпусные данные. Полевой архив ЯНС ТГПУ (С — 20, 25, 36, 38, 42, 54, 56, 59, 60, 61, 64, 65, 66).
Отрицательные местоимения. [Электронный ресурс] // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). — Режим доступа: [http://rusgram.ru/Местоимение#sm_neg] (дата обращения: 07.06.2015).

Alexey Kozlov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

PROSPECTIVE IN TUNDRA NENETS

Prospective is a cross-linguistic grammatical type from the semantical zone of aspect (Comrie 1976, Heine 1994, Dik 1994). It is usually said that prospective marks a *preliminary stage* of a situation (in the same way as progressive marks the internal stage, and resultative the resultant stage).

It has been shown (Nevskaya 2005 on Turkic, Kozlov 2014 on Old Church Slavic), that the semantics of prospectives varies significantly across languages (perhaps the two extreme points being close to English ABOUT TO and GOING TO constructions). Tundra Nenets provides a copious material for the study of prospective. Besides one synthetic form, i.e. prospective participle, which (at least in the Eastern dialects, cf. Burkova 2010) can be used predicatively as well as attributively (1a—b), there is a variety of analytical constructions (2—5):

- (1) a. *was'a to-w^onta*
V. come-PROSP.3SG
'Vasya is ultimately to come sometimes.'
b. *was'a tad^or'ih to-w^onta*
V. soon come-PROSP.3SG
'Vasya is going to come soon.'

- (2) *xid'a mən^ote-wənc^o me^o*
cup fall-SUP be.placed-3SG
'The cup is about to fall.'

- (3) *xid'a mən^ote-wa-nh xərwa^o*
cup fall-NMZ-DAT want-3SG
'Idem.'

- (4) *was'a to-w^onc^o pær-ŋa*
V. come-SUP do-3sg
'Vasya is going to come soon.'

- (5) *was'a to-wa-r'i-da xayı*
V. come-NMZ-only-3SG stay.3SG
'Idem.'

- (6) *was'a to-wi s'er ŋa*
V. come-PTCP.PFV deed-GEN be.3SG
'Idem.'

While in the null context the prospective form seems to describe a predestinated event which is relatively far in the future (1), it combines eagerly with adverbials like *tad^or'ih* 'soon', which suggests that the latter component is of a pragmatic nature. This situation is

similar to what we find in Old Church Slavic (Kozlov 2014), where a prospective construction is consistently used in predestinative contexts.

As for analytic constructions, they all seem to be closer to the ABOUT-TO end of the prospective continuum, more or less suggesting proximity of the future event to the time of speech. In the talk, we are going to dwell upon some aspectual tests which give interesting results applied to these constructions, as well as to their possibility to be used with unanimate and animate patientive subjects.

References

- Comrie, B. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976.
- Dik, S. C. Verbal semantics in functional grammar// C. Bache et al. (eds). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Fleischman, S. *The future in thought and language: diachronic evidence from Romance*. Cambridge [Cambridgeshire]; New York : Cambridge University Press, 1982
- Heine, B. *On the genesis of aspect in African languages: The proximative*. Paper presented at the annual meeting of BLS, Berkeley, 1994.
- Nevskaya, I. A. The Typology of prospective in Turkic languages.// *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Gippert, J., Erdal, M. & Voßen, R. (eds). *Language typology and Universals. Focus on: Sentence types and sentence structures*, 58/1. Bremen, 2005
- Burkova S. I. *Kratkij očerk grammatiki tundrovogo dialekta neneckogo jazyka (po materialam govorov, rasprostranennyh na territorii Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga)*. [A concise grammatical sketch of Tundra Nenets grammar] Ekaterinburg, 2010
- Kozlov A. A. K grammatičeskoj semantike staroslavjanskih konstrukcij *xotěti / iměti* s infinitivom. [On the grammatical semantics of *xotěti / iměti* + infinitive constructions in Old Church Slavonic] // *Russian Language and Linguistic Theory*, №1, 2014. P. 122—149.

И. А. Коробейникова, В. В. Фраинд

Этнокультурный центр с. Парабель Томской области

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА ПАРАБЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

На протяжении веков в России существует много народов. Проживание на большой территории не мешало развитию их культуры, традиций. У каждого малочисленного этноса своя глубокая мифология, насыщенная поэтической образностью, символами и иносказаниями, сопровождаемая песнями и музыкальными инструментами. Самобытность культуры всегда проявляла большой интерес общественности. Становление этнокультурной деятельности в регионах, учитывая его возможности, происходило на разном уровне. В Томской области проявление интереса общественности к этнокультурной деятельности возникло с одновременным всплеском самосознания коренного малочисленного населения.

С 1989 года в городе Томске создана Общественная организация коренных малочисленных народов. С этого времени начинается постепенное возрождение коренных народов проживающих на территории Томской области: селькупов, хантов, чулымцев, эвенков, манси и т. д. В Парабельском районе, как и других четырех северных районах Томской области, признанных официально как места компактного проживания коренных малочисленных народов, наряду с возрождением языка, национальных промыслов, на протяжении многих лет ведется планомерная работа по возрождению, сохранению и развитию культуры коренных малочисленных народов.

Язык — уникальная ценность и неотъемлемый признак нации. Каждый народ имеет суверенное право сохранить свою культуру, традиции, язык. Народы Севера и их язык находятся под угрозой исчезновения. Утрата языков — это не только лакуна в языковом мире, это есть и симптом утраты самого этноса.

В России языки всех народов в Законе «О языках народов РСФСР (25.10.1991)» объявлены национальным достоянием и историко-культурным наследием. Им гарантируется государственная поддержка, содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке и родному языку, в соответствии с их потребностями.

С 1990 год и до наших дней сформировался список семей, которые являются информантами для этнографических экспедиций, историко-исследовательских делегаций, «материалом» для написания диссертаций и дипломных работ аспирантов и студентов университетов, научных институтов России и зарубежья. С 2010 года в Парабельском районе работает научная делегация в составе: заведующий кафедрой языков народов Сибири ТГПУ, кандидата филологических наук, доктора филологии в лингвистике Андрей Фильченко; аспиранта кафедры языков народов Сибири ТГПУ Юлия Курганская; сотрудник Токийского университета по изучению иностранных языков, института языков и культур Азии и Африки, доктор наук в лингвистике Ику Нагасаки, лингвист из г. Печ Венгрии Золтан Надь.

Большой вклад Коробейникова Ирина Анатольевна внесла в развитие Ассоциации коренных малочисленных народов Томской области «Колта куп». С 1989 года она активно пропагандировала культуру селькупов, занималась общественной деятельностью

в организации, оказывала помощь селькупам в решении экономических, юридических вопросов. С 1989 года до 2001 года Ирина Анатольевна занимала должность председателя Общественной организации коренных малочисленных народов с. Парабель «Колдэл куп». Реализовывала в районе масштабные мероприятия и проекты. Создала в местах компактного проживания селькупов первичные организации.

С 2003 года Ирина Анатольевна принимает активное участие в деятельности Национального селькупского центра, созданного в с. Парабель Томской области. Коробейниковой Ириной Анатольевной собран уникальный материал о селькупских старейшинах Нарымского края, так же она принимает участие в Научно-исследовательских конференциях Томской области «Шатиловские чтения», которая проходит в Областном Краеведческом музее. Тесно взаимодействует с работниками музея и профессорами университетов г. Томска. Оказывает большую помощь студентам и аспирантам в работе над курсовыми, дипломными работами на темы связанные с селькупамми, сопровождает их по местам компактного проживания селькупов. Сотрудники университетов и учреждений культуры организуют исследовательские экспедиции в Парабель.

Коробейникова Ирина Анатольевна при жизни стала легендой, которая ярка демонстрирует существование коренных малочисленных народов в Парабельском районе. Разнообразные виды деятельности работы Ирины Анатольевны и результаты позволяют признать в ней наставника всей селькупской молодежи.

Ю. Б. Коряков

Институт языкознания РАН

ПРОБЛЕМА «ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ» И САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В докладе обсуждается проблема язык или диалект в приложении к самодийским языкам. Разграничение языков и диалектов – это один из вечных вопросов лингвистики. В докладе будут подробно рассмотрены различные критерии разграничения языка/диалекта на материале самодийских языков: с одной стороны, социо-этно-политические, с другой — структурные. В рамках последних будет сделана попытка применения лексикостатистического метода, согласно которому два идиома считаются диалектами одного языка, если процент совпадений между ними по 100-стословному списку Сводеша/Старостина составляет 90 % и более, и двумя разными языками, если это процент составляет 89 % и менее. Случаи, попадающие в интервал между двумя этими значениями, являются переходными, и для них можно использовать дополнительные критерии. Этот метод был опробован на большом количестве языков и диалектов мира и вышеуказанные проценты были получены опытным путём.

Традиционно, во всяком случае, в отечественной лингвистике говорится о четырёх живых самодийских языках (нганасанский, ненецкий, энецкий, селькупский) и нескольких вымерших (юрацкий, камасинский, маторский, карагасский, койбальский, сойотский, тайгийский). Однако, в зарубежных работах нередко можно встретить точку зрения о существовании двух ненецких, двух энецких и как минимум трёх селькупских языков (ср. например, [Janhunen, Salminen 1993—2000]). Как правило, такая точка зрения основывается на структурных различиях и прежде всего на степени взаимопонятности между разными селькупскими идиомами. В докладе будет сделана попытка рассмотреть, насколько такая точка зрения обоснована как с точки зрения лексикостатистического метода, так и более традиционных методов, в том числе наличия общего этнического и языкового самосознания, общего названия, единой наддиалектной нормы.

Таким образом, только единство нганасанского языка не вызывает сомнений, что в целом подтверждается информацией о значительной близости между его диалектами. В то же время различия между лесным и тундровым энецким, между (тундровым) ненецким и нешанским (лесным ненецким) и особенно между различными селькупскими идиомами представляются гораздо более существенными и возможно требуют пересмотра сложившихся установок относительно количества самодийских языков. Будет также сделана попытка осветить этот вопрос в историческом ракурсе: как именно в течение XIX—XX веков складывалось представление об отдельных самодийских языках.

Наконец, в тех случаях, когда со структурной точки зрения окажется возможным говорить о разных языках вместо диалектов, будет рассмотрен вопрос о том, как эти языки лучше называть.

Л и т е р а т у р а

Janhunen, Juha; Salminen, Tapani. Unesco Red Book On Endangered Languages: Northeast Asia. 1993–2000
http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html

**Н. Б. Кошкарева, Е. В. Кашкин, Н. А. Муравьев, О. А. Казакевич,
Ю. Б. Коряков, С. И. Буркова, Д. А. Столяров, Е. М. Будянская**

**САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ СОСЕДИ:
ОПЫТ АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО**

В докладе обсуждаются принципы составления лингвистических карт в «Диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», а также теоретические и описательные задачи, решение которых становится возможным на материале данного атласа.

В атласе, разработка которого завершается в настоящее время, представлены карты, на которые нанесена информация о двух самодийских (ненецкий, селькупский) и двух финно-угорских (коми-зырянский, хантыйский) языках в пределах ЯНАО, а также словарные базы данных по указанным языкам. Материалы атласа отражают специфическую социолингвистическую ситуацию, которая сложилась на территории округа. В то время как ареальные контакты в различных частях Сибири обсуждаются достаточно широко (см. в частности [Аникин, Хелимский 2007; Казакевич 2005; 2010; Кузнецова 2005; 2007; Grenoble 2007, 2012; Siegl 2012, 2015]), контактирование между самодийскими и финно-угорскими языками ЯНАО до настоящего времени не было исследовано исчерпывающе (ср. довольно фрагментарные сведения в [Сорвачева 1960; Игушев 1976; Туркин 1985]).

Длительное время сопредельных территориях проживают носители хантыйского, ненецкого и селькупского языков, контактирующие только в определенных пограничных областях и поэтому сохраняющие свое своеобразие при наличии отдельных заимствованных элементов. Зона селькупского языка (его северного наречия) расположена на востоке ЯНАО и продолжается на территории Туруханского района Красноярского края. На севере селькупский контактирует с тундровым ненецким, на западе — с ненецким лесным, на юго-западе — с ваховским диалектом хантыйского языка, причем селькупско-хантыйские контакты в свое время были гораздо интенсивнее, чем селькупско-ненецкие. Коми-зырянский язык, как язык пришлого населения, дисперсно проживающего в разных контактных зонах с хантами и ненцами, характеризуется наибольшим количеством инновационных черт, уникальных для разных контактных зон. Ненецкий язык в данном регионе занимает наиболее сильную позицию и является источником заимствований во все другие языки. При этом происходит не только непосредственное заимствование лексических единиц (к которому было обращено основное внимание в работах предшественников), но и заимствование системы лексических значений, которая перестраивается в исконных словах по образцу семантической модели, присущей ненецким лексемам.

Примером прямого заимствования широкого пласта лексики является олениводческая терминология (названия разновидностей оленей по полу, возрасту, масти, типы нарт, упряжи и пр. (см. [Онина 2003] и релевантные примеры из [Сорвачева 1960]), освоенная хантами, коми-зырянами и частично селькупами вместе с олениводством.

На примере терминологии родства показано различие в подсистемах кровного и приобретенного родства, а также инновационные процессы в контактных зонах. Так, в хантыйском языке система противопоставления кровных родственников по роду отца и матери устойчиво прослеживается вплоть до поколения «дедушек» и «бабушек», однако в приуральском диалекте, находящемся в контактной зоне с ненецким языком, это противопоставление утрачивается: для понятия «бабушка» используется заимствованное из ненецкого языка слово *хада*, которое употребляется независимо от того, к какой линии — отцовской или материнской — принадлежит данный родственник. Системные оппозиции начинают меняться под влиянием ненецкого языка, которому такой тип противопоставлений не свойствен. Коми-зырянский язык в этом отношении отличается уникальной перестройкой системы терминов приобретенного родства: вместо исконных лексем *верес* 'муж' и *гöтыр* 'жена' в говорах ЯНАО используются русские заимствования *мужык* и *баба* а в зонах, контактных с ненецким языком, активно используются и лексемы *ёрт* 'друг, товарищ' и *тарик / таруха* (из рус. *старик / старуха*), развивающие характерные для ненецкого языка модели полисемии.

Еще один пример заимствования ненецкой модели лексических оппозиций представлен в признаковом поле 'скользящий' — 'гладкий' — 'ровный'. В приуральском хантыйском (наиболее подробно данное поле изучено при работе с носителями, проживающими в с. Белоярск) лексема *wól'эк*, являющаяся в более южных говорах доминантным средством описания скользких поверхностей, сужается в обозначение только тех скользких поверхностей, которые покрыты льдом — симметрично ненецкому *салт*". В свою очередь, доминантной лексемой для скользких поверхностей в приуральском хантыйском является глагол *ñästi*, отсутствующий в более южных говорах и в данном случае представляющий семантическую и морфосинтаксическую параллель к ненецкому глаголу *ñсадёрць* 'скользить, быть скользким' (о любых скользких поверхностях). Гладкие (на ощупь) и ровные (для зрительного восприятия) поверхности в приуральском хантыйском лексически объединяются (прилагательное *pajli*) — так же, как они объединяются в ненецком языке (прилагательное *салмуй*). В южных же говорах, не контактирующих с ненецким языком, лексема *pajli* связывается преимущественно со зрительно воспринимаемыми поверхностями (будучи, кроме того, морфологическим каритивом от существительного *paj* 'бугор, куча', описывающего заметные на глаз неровности).

Таким образом, в данном лингвистическом ареале позиция тундрового ненецкого языка является доминирующей. Отмечены случаи заимствования системных признаков из ненецкого языка в контактные финно-угорские языки. Однако обратное воздействие — например, хантыйского на ненецкий — отмечено для лесного диалекта ненецкого языка прежде всего в зоне озера Нумто, на границе с Ханты-Мансийским округом — Югрой, где преобладает хантыйское население и в языке лесных ненцев происходит перестройка грамматической системы (утрачиваются гортанные смычные, родительный и винительный падежи, которых нет в падежной системе хантыйского языка). Соответственно, тундровый ненецкий на севере Ямало-Ненецкого округа и лесной ненецкий на сопредельных территориях находятся в разном положении, что обусловлено разными ареальными контактами.

Л и т е р а т у р а

- Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007.
Игушев Е. А. К вопросу о культурных связях коми и ненцев // Этнография и фольклор Коми. Труды ИЯЛИ
Коми НЦ УрО АН СССР. — 1976. — Вып. 17. С. 116—118.

- Казакевич О.А. Языковое и этнокультурное взаимодействие в северной таежной зоне Западной и Центральной Сибири // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). Москва, 2005. С. 78-91.
- Казакевич О. А. Селькупско-эвенкийские языковые контакты от верховьев Кети и Тыма до Советских озер // Материалы 3-й Международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.) / Отв. редактор С. И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 107—115.
- Кузнецова А. И. Проблемы, связанные с родством культур уральских народов в различных регионах Евразии // Конференция «Языковые союзы Евразии». Москва, 14 — 16 ноября 2005 г. Тезисы докладов. М., 2005.
- Кузнецова А. И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.
- Онина С. В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством. Йошкар-Ола, 2003.
- Сорвачева В. А. Ненецкие и хантыйские заимствования в говоре зауральских коми // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар, 1960. С. 171—177.
- Туркин А. Коми-ненецкие языковые контакты // СФУ. — 1985 — Т. 21, № 3. С. 190—203.
- Grenoble L. Переключение кодов и изменения в языковой структуре // Вахтин Н. Б. (ред.) Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб., 2007. С. 116-138.
- Grenoble L. Areal typology and syntactic change // Вестник ТГПУ, 1 (116), 2012. С. 101—105.
- Siegl F. More on possible Forest Enets-Ket contacts // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics, 3-1, 2012. P. 327—341.
- Siegl F. Three Nganasan-Evenki/Dolgan Morphosyntactic Parallels and Their Implications // Linguistica Uralica, 51-4, 2015. P. 258—277.

Р. И. Лапгандер

Арктический центр, Гронинский Университет

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОССЕСИВНЫХ СУФФИКСОВ В НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Поссесивные суффиксы, как лично-притяжательные, так и лично-предназначительные, наиболее ярко проявляют себя в связном тексте, придавая значение определённости, конкретности, известности о предмете речи. Для описания стилистических особенностей их употребления были проанализированы несколько текстов на ненецком языке. Анализируемые тексты различны не только по жанру, но и по времени их создания: а) **Ёрма** ‘Рыбалка’, 1934 г.; б) **Хэтлянг Ёмбо** ‘Хитрый Ёмбо’, 1956 г.; в) **Ханёй ненэць** ‘Охотник’, 2004 г.; г) **Сидя Хаби** ‘Два брата’, 2007 г.; д) ‘Устные рассказы’, 2016 г.

а) Рассказ **Ёрма** повествует о случае из жизни рыбаков-ненцев. Это пример повседневной речи, поэтому в 40 предложениях этого бытового рассказа встретилось 42 поссесивных показателя.

б) В тексте **Ёмбо** было зафиксировано наибольшее число употребления поссесивных показателей. В 62 предложениях встретилось 130 поссесивных суффиксов. В функциональном значении они необходимы для оформления определённости героев сказки. Это может быть объяснено тем, что анализируемый текст — это бытовая сказка, немного ироничная по тону.

в) В тексте **Ханёй ненэць** (газетная статья) видны значительные отличия от предыдущих примеров. В 24 предложениях встретилось всего 8 поссесивных показателей. Это скорее всего, связано с официальным тоном текста.

г) В фольклорном тексте **Сидя хаби** встречается наибольшее число поссесивных показателей. В 140 предложениях встретилось 155 поссесивных суффиксов. Следовательно, можно сделать вывод, что данные средства являются одними из основных отличительных особенностей построения сюжета фольклорных произведений, так как в процессе исполнения таких произведений присутствуют *исполнитель и слушающий* /

слушающие, и маркирование посессивными показателями героев исполняемого произведения необходимо для конкретизации, выражения известности из предыдущего упоминания, их определённости, конкретности, единичности героев произведения.

д) В бытовых рассказах о жизни посессивными показателями чаще всего выражается конкретность и известность предмета речи для всех участников диалога, поэтому данные показатели могут быть так же маркерами особенностей этикета ненцев. В 42 предложениях встретился 31 посессивный показатель.

Таким образом, анализ текстов показал, что в структуре ненецкого языка с 1934 по 2016 годы не произошло существенных изменений. Кроме того, особенности употребления посессивных показателей представляется возможным показать только в связных текстах. Как правило, таких посессивных показателей в одном предложении может быть два или более. Данные показатели в текстах выражают следующие реализации: известность, дифференцированность, дейктичность, детерминированность, индивидуальность, принадлежность, конкретность, точность. Кроме того, посессивные показатели маркируют не сам процесс, а только субъект или предмет/объект. Их основная смысловая нагрузка основана это обеспечение последовательности и связности изложения, необходимых для передачи конкретной, полной, исчерпывающей информации, которую говорящий хочет довести до слушающего/слушающих.

Larisa Leisiö

University of Tampere / Academy of Finland — University of Eastern Finland

EVIDENTIALITY IN SAMOYED. FUNCTIONAL AND GRAMMATICAL ASPECTS

Evidential marker has to do with speaker's account for the source of the information s/he expresses in his/her statement (Chafe & Nichols 1986).

Direct and indirect evidentials are distinguished. Information indicated by **direct evidential** is based on the speaker's sensory perception. **Indirect evidential** shows that the evidence for the statement is based on the speaker's inference (including mirative meanings) or on hearsay (de Haan 2005: 314).

In all Northern Samoyedic languages and in Selkup languages there are markers of direct evidentiality. In all the languages these markers are consistently called **Auditive**. This term adequately characterises the function of the marker and correctly points to the closeness of the use of Auditive forms, so that the fact of closeness can be perceived even by linguists who don't know much about Samoyedic languages.

This is not the case when we turn to indirect evidentiality. In all Northern Samoyedic languages and in Selkup languages there are markers that serve to express indirect evidentiality, in the most of the languages in question these markers don't have functional and consistent name. The exception is Nganasan with its **Inferential** and **Renarrative** markers — these names consistently reflect the functioning of the respective forms: *-hatu* (*batu, bađu*, etc.) **inferential**, and *-hanhu* (*banhu, bambu*, etc.) **renarrative** (Helimski 1997).

The other languages in question have a marker that indicates both inferential and renarrative meanings, but the terminology differs even within the research of one and the same language:

Tundra Nenets <i>-me(-ie)/we-</i>	narrative (Collinder 1957: 441; Salminen 1997) perfect (Labanauskas 1974) evidential (Burkova 2010) inferential (Nikolaeva 2014: 93ff).
Forest Nenets <i>-mi</i>	perfective participle used as a modal (Verbov 1973: 99, Koshkareva 2005)
Forest Enets, Tundra Enets <i>-b'i/-p'i</i>	perfect (Labanauskas 1982: 129, Sorokina 1980, Siegl 2011, Khanina & Shluinsky 2014), inferential (Urmanchieva)
Northern Selkup <i>-nt-</i>	latentive (Kuznecova et. al. 1980: 240 et passim)

I will explore contemporary uses and the history of these forms of indirect evidentiality in order to propose a unification of terminology of evidential markers in the research of Samoyedic languages.

References

Burkova, S. I. 2010. Kratkij očerk grammatiki tundrovogo dialekta neneckogo jazyka. In: *Dialektologičeskij slovar' neneckogo jazyka*. ed. by N. Koškareva, Ekaterinburg: Basko, 180—349.

- Chafe, W. L. & J. Nichols (eds.) 1986. *Evidentiality. The linguistic encoding of epistemology*. Nrowood, NJ: Ablex.
- Collinder, Bjorn. 1957. *Survey of the Uralic languages*. Stockholm: Almqvist and Wiksell.
- De Haan, F. Semantic Distinctions of Evidentiality; Coding of Evidentiality. (ch. 78 & 79). In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (available online at <http://wals.info/chapter/77>, Accessed on 2016-04-10.)
- Helimski, E. 1997. Nganasan. In: *The Uralic Languages*, ed. by D. Abondolo. London/New York: Routledge, 480—515.
- Khanina, O. & A. Shluinsky 2014. Morphological account of Enets intransitive verbs. *5th International Conference on Samoyedology*, Helsinki 21—23 October 2014, handout.
- Koškareva, N. 2005. *Očerki po sintaksisu lesnogo dialektu neneckogo jazyka*. Novosibirsk: Rossijskaja akademija nauk, Sibirskoe otdelenie.
- Kuznecova, A. I. & Xelimskij, E. A. & Gruškina, E. V. 1980. *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt. Tom I*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Labanauskas, K. 1982. K izučeniju prošedšix vremen neneckogo i èneckogo jazykov. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 125—134.
- Labanauskas, K. 1974. Neneckij perfekt. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 45—52.
- Nikolaeva, I. 2014. *A Grammar of Tundra Nenets*. MGL 65, Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Salminen, T. 1997. *Tundra Nenets Inflection*. (Doctoral Dissertation). Helsinki: SKS.
- Siegl, F. 2011. *Material on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. University of Tartu. (Doctoral dissertation).
- Sorokina, I. 1980. Èneckij perfekt. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 212—215.
- Verbov 1973. Dialekt lesnyx nencev. *Samodijiskij sbornik*. Novosibirsk, 4—190.

А. А. Локтионова

Томский государственный педагогический университет

СЕЛЬКУПСКИЕ ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ НОМИНАЦИИ ДЕТАЛЕЙ БЕРЕСТЯНОЙ УТВАРИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР ПРИ РАБОТЕ С БЕРЕСТОЙ

В традиционном быту селькупы широко применяли бересту практически во всех сферах жизнедеятельности. Из неё изготавливали средства передвижения, покрывали как постоянные, так и временные жилища, также обклеивали орудия охоты и использовали при ловле рыбы, но в большинстве случаев из бересты делали домашнюю утварь.

Для традиционной берестяной утвари селькупов в языке, с учётом диалектно-локальных групп данного этноса, зафиксированы названия для определенного вида берестяной посуды (выявлено около двадцати терминов по словарям и этнографическим публикациям).

Особенно ценными являются записи терминов, опубликованные этнографами (Пелих, 1972; Баташев 2011), которые не вошли в словари селькуповедов-лингвистов. Следует подчеркнуть, что в этнографической литературе при описании предметов быта из бересты этнографы, как правило, старались записывать селькупские названия составных частей посуды, материалов, используемых при её изготовлении, и технологических процедур, что практически никогда не фиксировали лингвисты во время своих полевых сборов.

В связи с этим, цель данного исследования: выявить специфическую «берестяную» терминологию, определить общие и частные номинации составных деталей берестяной посуды (дно и стенки, крышка, швы, крепление), материалов (береста, сарга, нитки, клей) и предметов (шило, нож, наконечник, которым скоблили орнамент), которые использовались при изготовлении берестяной посуды. А также названия технологических процедур: сшивание бересты, склеивание, снятие бересты «чулком» с обрубка, нанесение орнамента и т.п.

В ходе исследования выявлено из доступных источников (словарей селькупского языка), и этнографических публикаций и полевых материалов этнографов (А. А. Савельев, Г. И. Пелих), какие номинации для деталей берестяной утвари и технологических процедур при работе с берестой зафиксировали лингвисты и этнографы; прослеживаются ли примеры совпадений по лингвистическим и этнографическим данным. Также в докладе будет сделана попытка установить, какие термины селькупского языка применяются только для берестяной посуды и процессов её изготовления или же большинство номинаций применяются без конкретных уточнений деталей берестяной утвари и технологических процедур при работе с берестой.

Список литературы и источников

Алатало Я. Сююссыгуй ээджиписан Кээткый кууланни [Словарь селькупско-русский и русско-селькупский кетского диалекта]. Максимкин Яр — Хельсинки, 1998.

- Баташев М. С. Коллекция А. А. Савельева с верховьев р. Кеть в фондах КККМ // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Вып. 4. Томск, 2011.
- Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994.
- Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005.
- ОСЯ — Кузнецова А. И., Казакевич О. А, Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. М., 1993.
- Купер Ш., Пустаи Я. Селькупский разговорник. Нарымский диалект // Specimina Sibirica. Szombathely, 1993. Т. 7.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.
- Хелимский Е. А. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Обработка и издание Е. Хелимского // HSFМ Hamburg, 2007. Bd. 4.
- Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammen- gestellt und herausgegeben von J. Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004.

М. Д. Люблинская

Институт лингвистических исследований РАН

ЛЕКСИКА ОЛЕНЕВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА: НЕНЦЫ vs. СААМЫ

Материал для сообщения был собран при работе по теме «Лингвокультурологический атлас терминов оленеводства народов уральской языковой семьи (саамский, ненецкий, коми, хантыйский, мансийский)» (РГНФ 14-04-00501).

В хозяйствовании четырех из пяти циркумполярных пастушеских культур и в других широтах традиционно используется олень как средство жизнеобеспечения, хотя время и место возникновения оленеводства однозначно не определено.

З. Е. Черняков, описывая оленеводство саамов, предполагает, что в совместном существовании человек-олень не человек приручил дикого оленя жить при своем доме, но олень приучил человека следовать за передвижением стада, чтобы постоянно иметь под рукой готовую пищу, одежду, жилище, не прилагая никаких усилий для заготовки кормов, устройства стойла для своего кормильца, подобно тому как человек вынужден ухаживать за другим домашним скотом. Также он делает вывод, что было несколько центров, где человек стал использовать оленя, не только истребляя его. Разбирая источники, З. Е. Черняков приводит несколько гипотез о происхождении саамского оленеводства:

1. Заимствовано от ненцев.
2. Заимствовано от скандинавов позднее IX в. н. э.
3. Независимого возникло у саамов в Фенноскандии.

По его мнению, в настоящее время нет археологических или исторических данных, убедительно подтверждающих какую-либо из этих концепций [Черняков 1998]. Анализ лексики позволяет определить картину взаимопроникновения оленеводческих навыков.

Оленеводство самодийского и саамского типа сейчас соседствует в некоторых районах России — на Кольский полуостров самодийский тип был перенесен оленеводами коми-ижемцами. Интересно сопоставление оленеводческой лексики — названий оленей, видов упряжи у ненцев и у саамов. Выделение периодов жизни оленя, соответствующих его половозрастной градации, практически совпадает в обеих культурах, потому что задается физиологией оленя. Названия же этих периодов в каждой культуре свои.

К примеру, сравним названия для оленьего теленка:

	возрастной период	русский	ненецкий	коми	саами
1	новорожденный	<i>теленек-пыжик</i>	<i>сую / суляко</i>	<i>теля</i>	<i>вуэссь / viss'a</i>
2	во время линьки первой шерсти (до 3-4 мес.)	<i>пэндук (?)</i>	<i>пендук / пендуй (сую)</i>	<i>пежгу теля</i>	<i>pižim kaškej viss'a</i>
3	Теленок после первой линьки (до 6 мес)	<i>чопурок / неплюй</i>	<i>няблюй (сую)</i>	<i>неблюй</i>	<i>чэпэрк</i>
4	От 6 мес до года	<i>лопанок</i>	<i>нялуко</i>	<i>нялуко / нялуку</i>	<i>лухпель / lixpal'</i>
5	От полутора до 2 лет	<i>урак</i>	<i>намна / намнуко</i>	<i>нямнюку (самец) / сёрыча (самка)</i>	<i>чирмах; оарехь</i>

Также свои независимые названия существуют для именования взрослых самцов и самок. Сейчас на Кольском полуострове сложился способ оленеводческого хозяйства из трех источников — саамы, ненцы и коми-ижемцы. Взаимодействия культур сразу сказались в лексике.

Загон в тундре для пересчета и поимки оленей в кильдинском саамском имеет два названия *каралль* и *юррк*; по-ненецки такой загон называется *ва''(ð)* или *хараль*. Также свои названия используются при наименовании дымокура — саамское производное слово *сувсэмуши* (имя действия < *сувв* ‘дым’) (Эрштадт 2015:81) и ненецкое производное *пур''(ð)*, которое также означает ‘мгла’; *пурадм' тюне тара* ‘дымокур-АСС зажечь надо-3SG’ буквально можно перевести как ‘сделать мглу’. ‘Упряжь’ *поадэск* и *подер''*. Среди кильдинских саамских названий оленьей упряжи встречается много заимствований из русского языка. Шест, которым управляют упряжкой по-ненецки называется *тюр*. Название *хорей (харей)* также возводят к ненецкому слову *хӱре(сь)* ‘пугать, гнать (упряжку)’ (Терещенко 1965). По-саамски такой управляющий шест называется *харя*. Многие общепринятые на Севере оленеводческие термины пришли от ненцев, через язык коми: *пыжик* ‘новорожденный теленок (до недели) и его шкурка (< *пежгу*)’, *нялуку* ‘самец от года до года и 3 месяцев, когда у него начинается следующая линька’, *нямнюку* ‘самцы до конца второго года жизни’, *хор* ‘самец старше трех лет’, наряду с заимствованными из русского *пентюх* ‘пятинедельный олененок’, *теля* ‘теленка до года’, *бык* ‘кастрированный самец’, *третьяк* ‘самец на третьем году жизни’. Саамское оленеводство дало общепринятые термины *пыжик* ‘новорожденный олений теленок’ (сейчас это слово отдельно не фиксируется, сохранилось в словосочетании *pižim kaškej viss'a* ‘двухмесячный теленок’); *важенка* < *вадзь* ‘самка оленя, приносящая приплод’, *вонделка* < *вундел* ‘самка оленя 2х лет’, *урак* < *оарех* ‘теленка от полутора до двух лет’ и др. Некоторые ненецкие и русские названия попали в язык кольских саамов: *хапторка* — ‘нетелившаяся важенька’, *jalofka* — ‘яловый’.

Традиционные килевые саамские сани — *кӱресь* ‘кережа’ — имеют параллели у других уральских народов (Васильев 1999). Ненецкое название кережи *һано-хан* (лодка-сани) (Хомич 1999). С приходом коми на Кольский полуостров саамы позаимствовали от них олений транспорт, который те, в свою очередь взяли у ненцев [Козьмин 2003: 76], стали употреблять *ноӱрт* ‘нарта’ (< коми *норт* ‘нарта’ [БРК]) и *соан* ‘сани’. Из саней составляют *раййт* ‘райда, олений обоз (в передние сани запрягают трех-четырёх оленей; ими управляет ездовой; в последующие возовые сани — их бывает до пяти — запрягают по два оленя, каждая последующая упряжка оленей привязывается к предыдущим саням)’ (Эрштадт 2015: 90).

Библиография

- БРК — Большой русско-коми словарь. dict.komikyv.ru/index.php/index/
- Васильев, М. И. К проблеме происхождения нарты-кережи саамов.// Вестник новгородского государственного университета. № 12, 1999
- Козьмин, В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 2003. — 236 с.
- Хомич, Л. В. Саамы. — СПб: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1999. — 95 с.: ил.
- Хомич, Л. В. Ненцы и коми Кольского полуострова.// Этнографические исследования Северо-запада СССР. Л., 1977. С. 116—123.
- Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Под редакцией Лейфа Рантала. Университет Лапландии, Рованиemi, Финляндия, 1998.
- Эрштадт А. М. Лексика традиционных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка). КД. Мурманск, 2014.

Nikolett Mus, Eszter Simon

Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences

**LANGUAGES UNDER THE INFLUENCE:
BUILDING A DATABASE OF URALIC LANGUAGES**

This abstract sums up the steps, the preliminary results and the future directions of building a linguistic corpus of some Uralic languages within the research project called *Languages under the Influence*. The project started in January 2016 and lasts until July 2017 and is funded by the Hungarian National Research, Development and Innovation Office (grant ID: ERC_HU_15 118079). The project is hosted at the Research Institute for Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences, the project investigator is Katalin É. Kiss.

The project has a twofold objective. As for the theoretical investigations, it focuses on potential syntactic changes affected by the heavy influence of the Russian language in several Uralic languages spoken in the Russian Federation (mainly in Siberia). The main theoretical aim of the project is to obtain information on how the basically head-final syntax of the targeted Uralic languages is being restructured into a head-initial, SVO-type system. Although the restructuring of grammar in situations of intensive language contact is a fairly common phenomenon, we do not know what triggers it, and we do not have sufficient evidence to reconstruct its path. Our research covers, among others, the change of basic word order (i.e. the SOV-to-SVO order), the spreading of finite subordination and clause-initial complementizers, and the diversification of indefinite pronouns. The languages involved are *Tundra Nenets*, *Northern Khanty*, *Eastern Khanty* and *Udmurt*.

On the other hand, the project's computational objective is to build a linguistically annotated database of written and spoken sources in the aforementioned languages. It is a well-known fact, that the vast majority of Uralic languages are endangered and/or poorly documented. Research in language documentation aims at the provision of long lasting, comprehensive, multifaceted and multipurpose records of linguistic practices characteristic of a given speech community. This is the point where language documentation meets language technology, since the latter can help to create more systematically annotated corpora, rather than eclectic data collections. In our presentation, we discuss considerations taken into account and methods used in the corpus building process.

TEXT COLLECTION

In order to observe syntactic changes of minority languages under influence, we aim at processing texts collected from different times. It is known, however, that the literacy of Uralic languages do not have a long history and tradition. The oldest sources included in our project originate from the beginning of the 20th century (when organized expeditions were undertaken in order to document and describe Uralic languages). In addition, we gather data from published and/or electronically accessible sources, which are presented by fieldworks undertaken recently. We focus on selecting texts provided by as many authors as possible from different social classes, age, sex, dialects and genres. Furthermore, our activities will in-

clude fieldwork, during which we will collect contemporary spoken language material, thus the database will represent the written and the spoken versions of the languages as well.

TEXT PROCESSING

Language documentation has made huge technological progress in regard to collaborative tools and user interfaces for transcribing, archiving and browsing multimedia records. One of the most widely used software for this purpose is ELAN⁵, an open source multimedia annotation tool developed by The Language Archive at Max Planck Institute for Psycholinguistics. ELAN allows audio and video recordings to be time-aligned with multi-layered annotations, called tiers. The linguistic annotations and the metadata are stored in a hierarchical structure, which can be exported in standard fájl formats, e.g. XML and tsv, which can be used as an input of further text processing steps, e.g. automatic conversion and morphological analysis.

Transcription and Transliteration. After importing audio and video files into ELAN, token- and sentence-level segmentation of spoken data will be carried out. The spoken data will be transcribed using one of the Latin-based transcription systems used by language documenters of the languages concerned. Unfortunately, these transcription systems are not standardized and/or unified, even within one language. For this reason, it is important to publish the texts using the International Phonetic Alphabet (IPA), as it makes the texts readable for further areas of linguistics outside Uralistics. Thus, the database will contain each text material at least in its original transcription used by the language documenter and in IPA transliteration. Moreover, since the writing system of the languages concerned is based on the Cyrillic alphabet, we preserve the original Cyrillic script, if it is available.

We use standard (UTF-8 encoded) Unicode character set throughout the corpus. Uniformity is a basic requirement to be able to ask one query to the whole corpus. For this reason, we create a unified character table which contains all possibly used characters in all writing, transliteration and transcription systems.

ELAN supports Unicode, thus every textual element (Uralic transcriptions, IPA transliteration, Cyrillic characters) can be stored with standard Unicode characters, which makes it possible to replace the old, makeshift font collections and to follow the international standards.

Morphological analysis. The corpus will contain rich linguistic annotation even on the morphological level. Each token will be morph-level segmented, while its lemma, its part-of-speech tag, and its English glosses will be added as tiers in ELAN. We will follow the glossing conventions and abbreviations of the Leipzig Glossing Rules with some minor additions.

There are several morphological analyzers for each language concerned, with which the process of morphological annotation can be supported, however the whole annotation process cannot be conducted fully automatically.

The most well-known text processing framework for under-resourced Uralic languages is Giellatekno⁶. It provides a fully established framework for creating language processing tools, such as proofing tools, digital dictionaries and morphological analyzers. The latter one has been developed for Udmurt, Northern Khanty and Tundra Nenets. All of these analyzers need UTF-8 encoded Cyrillic plain text, thus we can use them only for the contemporary texts written in Cyrillic.

⁵ <https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>

⁶ <http://giellatekno.uit.no/>

For Synya Khanty text samples available only in Latin-based transcription, we can use the morphological tools developed for small Uralic languages by a Hungarian language technology company (MorphoLogic) and the Research Institute for Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences⁷.

For those text samples for which there is no existing morphological analyzer available, we have to manually add the morphological analysis and the glosses.

AVAILABILITY

We plan to make the database freely available, not only as a downloadable version, but also via an online search interface, which offers the user several features that greatly facilitate the linguistic analysis of large amounts of authentic linguistic data. Moreover, considering the need for long-term preservation in order to assure that these data will be available for future generations, we want to provide the structured data for an international language archive which offers archiving service, such as the Documentation of Endangered Languages (DOBES) corpus hosted by The Language Archive. A local installation and implementation of The Language Archive is available on a server of the Research Institute for Linguistics⁸, which provides the same functionality as the original one in Nijmegen, Netherlands.

⁷ <http://www.morphologic.hu/urali/>

⁸ <http://tla.nytud.hu>

Ю. В. Норманская

Институт языкознания РАН

ПРАСАМОДИЙСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОКАЛИЗМА vs. НОВЫЕ ПОЛЕВЫЕ И АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ⁹

В рамках работы по грантам РНФ и РГНФ в 2009—2015 годах был собран богатый полевой материал по разным диалектам самодийских языков. Кроме этого благодаря сотрудничеству с Лабораторией экспериментально-фонетических исследований (рук. И. Я. Селютин) Института филологии СО РАН нам оказались доступны оцифрованные материалы записей по самодийским языкам, собранные в 70-х годах прошлого века. Все эти материалы были нарезаны на отдельные словоформы, затранскрибированы, введены в программу LingvoDoc и в настоящее время доступны на сайте lingvodoc.ispras.ru.

Итак, в настоящее время у нас есть аудио словари по следующим диалектам самодийских языков:

ненецкий язык: 1) гыданского диалекта тундрового наречия (сбор и обработка материала М. К. Амелина); 2) канинского диалекта тундрового наречия (сбор и обработка материала М. К. Амелина); 3) большеземельского диалекта тундрового наречия (сбор и обработка материала М. К. Амелина); 4) ямальского диалекта тундрового наречия (сбор и обработка материала М. К. Амелина);

энецкий язык: 5) тундровый диалект (сбор и обработка материала О. В. Ханина и С. Е. Шешенин), 6) лесной диалект (сбор и обработка материала А. Б. Шлуинский, О. В. Ханина); 7) архивный материал: лесной диалект (сбор и обработка материала новосибирские ученые из ЛЭФИ, Ю. В. Норманская);

нганасанский язык¹⁰: 8) авамский диалект (говор с. Усть-Авам) (сбор и обработка материала И. А. Стенин, С. Е. Шешенин, Ю. В. Норманская), 9) авамский диалект (говор с. Волочанка) (сбор и обработка материала И. А. Стенин, Ю. В. Норманская), 10) архивный материал: авамский диалект (говор с. Усть-Авам) (сбор и обработка материала новосибирские ученые из ЛЭФИ, Ю. В. Норманская), 11) архивный материал: авамский диалект (говор с. Волочанка) (сбор и обработка материала новосибирские ученые из ЛЭФИ, Ю. В. Норманская), 12) архивный материал: вадеевский диалект (говор с. Кресты) (сбор и обработка материала новосибирские ученые из ЛЭФИ, Ю. В. Норманская);

селькупский язык: 13) нарымский диалект (сбор и обработка материала Н. Л. Федотова, Н. В. Дубровская, Р. И. Идрисов, Ю. В. Норманская), 14) кетский диалект (сбор и обработка материала О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, Н. Л. Федотова, Н. В. Дубровская, Р. И. Идрисов, Ю. В. Норманская), 15) архивный материал: среднеобской диалект (сбор и обработка материала новосибирские ученые из ЛЭФИ, Ю. В. Норманская).

Анализ этого языкового материала в фонетической программе Праат и сопоставление уточненной транскрипции для каждого из говором между собой позволили получить следующие результаты, которые будут подробно рассмотрены в докладе:

⁹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-04-12019

¹⁰ Оказалось целесообразным рассматривать говор с. Усть-Авам и Волочанка отдельно, поскольку между ними как в архивных, так и в современных записях есть существенные отличия.

I. выявить 10 дополнительных рядов соответствий гласных по сравнению с [Alatalo 2004] (они ниже выделены полужирным шрифтом), особые рефлексы которых представлены в тазовском, южных и центральных селькупских диалектах (нарымском, кетском, среднеобском),

- 1а. ПСельк. *ɤ > таз. *ɛ*, нар., ср.-обск. *ε* — Сельк. [Alatalo 2004] *ē*
 1б. ПСельк. *ɤ̄ > таз. *ē*, нар. *ε* — Сельк. [Alatalo 2004] *ē*
2а. ПСельк. *ε > таз., нар. *ε*, кет. *e* — Сельк. [Alatalo 2004] *e*
2б. ПСельк. *ε̄ > таз. *ē*, ср.-обск. *ε:*, нар. *ε*, кет. *e* — Сельк. [Alatalo 2004] *ē*
3а. ПСельк. *ā > таз., кет. *e*, нар. *a* — Сельк. [Alatalo 2004] *e*
3б. ПСельк. *ā̄ > таз. *ē*, кет. *e*, нар. *a* — Сельк. [Alatalo 2004] *e*
 4а. ПСельк. *e > таз., кет. *e*, нар. *ε* — Сельк. [Alatalo 2004] *e*
 4б. ПСельк. *ē > таз. *ē*, ср.-обск. *e:*, кет. *e*, нар. *ε* — Сельк. [Alatalo 2004] *ē*
 5а. ПСельк. *ǖ > таз. *ö*, нар. *ve* — Сельк. [Alatalo 2004] *ǖ*
5б. ПСельк. *ǖ̄ > таз. *ō*, ср.-обск. *ve:*, нар. *ve* — Сельк. [Alatalo 2004] *ǖ̄*
 6а. ПСельк. *ö* > таз., нар. *ö* — Сельк. [Alatalo 2004] *ō*
6б. ПСельк. *ō* > таз. *ō*, ср.-обск. *e:*, нар. *ö* — Сельк. [Alatalo 2004] *ō*
7а. ПСельк. *y > таз., кет. *ü*, нар. *ö* — Сельк. [Alatalo 2004] *ü*
7б. ПСельк. *ȳ > таз. *ǖ*, кет. *ü*, нар. *ö* — Сельк. [Alatalo 2004] *ǖ*
 8а. ПСельк. *ī > таз., кет., нар. *ü*, ср.-обск. *i* — Сельк. [Alatalo 2004] *ǖ*
 8б. ПСельк. *ī̄ > таз. *ǖ*, кет., нар. *ü*, ср.-обск. *i* — Сельк. [Alatalo 2004] *ǖ̄*
 9а. ПСельк. *i > таз. *i*, ср.-обск. *ε*, нар. *i*, *ε*, кет. *i* — Сельк. [Alatalo 2004] *i*
 9б. ПСельк. *ī > таз. *i*, ср.-обск. *i:*, нар. *i*, *ε*, кет. *i* — Сельк. [Alatalo 2004] *ī*
10а. ПСельк. *i̇ > таз. *i*, нар., кет. *i*, #ε- — Сельк. [Alatalo 2004] *i*
10б. ПСельк. *ī̄̄ > таз. *ī*, ср.-обск. *i*, нар., кет. *i*, #ε- — Сельк. [Alatalo 2004] *ī*

Как можно видеть, в пяти рядах (3а,б; 6б; 10 а, 10б) особые соответствия представлены как в тазовском (северном), так и в южных и/или центральных диалектах, поэтому они, вероятно, могут быть реконструированы для праселькупского языка. В пяти других рядах (2 а, 2б; 5б; 7а, 7б) особое соответствие представлено либо в тазовском, либо в нарымском диалекте. Соответственно оно может быть как инновацией, так и архаизмом сохранившемся лишь в одном диалекте из исследованных. В настоящее время ведется дальнейшая работа с целью изучения статуса этих случаев: сбор и обработка аудиоматериала по другим диалектам селькупского языка, поиск особых внешних соответствий в северных самодийских языках для выявленных праселькупских фонем.

II. В результате обследования материала по нганасанским диалектам были выявлены следующие ранее, насколько нам известно, неописанные тенденции развития гласных, которые отмечены более, чем в одном говоре:

	Усть-Авам (1970-е годы)	Кресты (1970-е годы)	Усть-Авам, 2014	Волочанка, 2014
1. у нган. <i>ə</i> есть рефлекс <i>o</i>	+	+	+	+
2. у нган. <i>e</i> есть рефлекс <i>a</i>			+	+
3. у нган. <i>i</i> есть рефлекс <i>ǖ</i>	+	+		
4. у нган. <i>ǖ</i> есть рефлекс <i>i</i>			+	+

Рефлексии 2 и 4, возможно, являются инновациями, поскольку они представлены по нашим данным, не представлены в архивных записях 1970-ых годов. Однако, в словаре [SW] есть указания на подобную рефлексию в материалах М. А. Кастрена, поэтому необходимо дальнейшее исследование по полексемному сопоставлению этих материалов и аудиословарей современных диалектов.

Рефлексия 3 могла бы указывать на архаическое противопоставление, поскольку она встречается и в материалах М.А.Кастрена, и представлена практически в одних и тех же словах. Но, к сожалению, в архивных материалах довольно мало примеров на особый рефлекс *ii* у нган. *i*, поэтому у нас нет статистически достоверной информации о его особых соответствиях за пределами нганасанского языка.

Рефлексия 1 могла бы указывать на архаизм, но рефлекс *o* в разных говорах встречается не в одних и тех же словах. Создается впечатление, что, например, в записях Волочанка, 2014 он имеет позиционный характер и появляется всегда после *d'* и sporadически в других случаях. В архивных записях 1970-ых годов *ə > o* в большинстве случаев в соседстве с губными согласными, но это происходит sporadически, поскольку есть слова в которых рядом с губными такого развития не происходит.

Итак, проведенный анализ показывает, что вышеперечисленные рефлексы представлены, как в аудиословарях авамского и/или вадеевского диалекта и в материалах М. А. Кастрена. Это показывает точность фиксации материала у М. А. Кастрена, и возможность на большом материале нганасанской лексики (около 3 тыс. лексем для каждого говора), собранном в 2014 году, выявить правила появления подобных рефлексов.

III. Отдельной интересной темой, на важность которой уже указывал Е. А. Хелимский [Helimski 1978] в своих ранних статьях, является исследование позиций появления долгих (удвоенных) монофтонгов и анализ ударения в самодийских языках.

Компьютерный фонетический анализ долгих гласных в энецком и нганасанском языках, проводимый нами на материале современных аудиословарей, в настоящее время показал, что данные уже изданных словарей не вполне соответствует реальности. Описание долгот и их сопоставления между собой, и выявление их архаического или инновационного характера мы надеемся закончить в ближайшее время.

Анализ ударения и долгих гласных в южных и центральных диалектах селькупского языка в настоящее время на собранных полевых и архивных аудиословарях проведен полностью и в статье [Норманская 2012] было показано, что селькупская долгота гласных имеет четкую корреляцию с селькупским ударением: в словах с ударением, фиксированным на первом слоге, во всех селькупских диалектах — гласный первого слога долгий, в словах с разноместным ударением — краткий.

Как показал дальнейший анализ сравнения праселькупской долготы гласных первого слога и ударения с ненецкой долготой первого слога по [Lehtisalo 1956] и типом ударения по [Амелина 2016] между ними существует также определенная корреляция. Слова с ненецкой долготой первого слога имеют фиксированное ударение на первом слоге и соответствуют селькупским слова с фиксированным ударением на первом слоге и его долготой, а слова ненецким разноместным ударением и кратким гласным первого слога соответствуют селькупским лексемам с кратким гласным первого слога и разноместным ударением. Таким образом, оказывается, что акцентные кривые и долгота гласных первого слога в селькупском и ненецком языке имеют прасамодийское происхождение.

Итак, видно что создание аудиословарей самодийских языков позволяет существенно уточнить наши знания о сегментной и суперсегментной фонетике современных самодийских языков и диалектов. В настоящее время ведется процесс обработки и анали-

за уже собранных материалов и сравнение их с другими изданными и неизданными словарями с целью уточнения прасамодийской реконструкции и истории развития современных языков и диалектов.

Список литературы

Alatalo 2004 — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von *Donner K.*, *Sirelius U. T.* und *Alatalo J.* / Zusammengestellt und hrsg. von *Alatalo J.* Helsinki, 2004.

Helimski 1978 — *Helimski E.* Notes on the origin of prosodic features in some Samoyed and Ugric languages // *Estonian Papers in Phonetics* 1978. Tallinn, 1978, 35-38.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*, XIII.)

SW — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. — *Suomalais-ugrilainen seura*, Helsinki, 1977.

Амелина 2016 — *Амелина М. К.* Ударение в непроемных именах с однородным вокалическим составом в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъемов // *Урало-алтайские исследования*. 2 (22), 2016.

Норманская 2012 — *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. *Часть II.* Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северно-самодийских и финно-угорских языках // *Урало-алтайские исследования*. 2 (7), 2012.

М. А. Овсянникова

Институт лингвистических исследований РАН

ВАЛЕНТНОСТНЫЕ КЛАССЫ ДВУХМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ЛЕСНОМ ДИАЛЕКТЕ ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА

В докладе рассматривается оформление участников при двухместных предикатах в лесном диалекте энецкого языка. Целью исследования является описание распределения предикатов на группы по способу оформления участников и возможных семантических оснований этого распределения, а также выявление основных зон вариативного оформления участников.

Основой исследования является анкета, созданная в рамках проекта по типологическому изучению классов двухместных предикатов в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН. Анкета включает в себя 130 стимульных предложений, которые содержат предикат и задают определенный состав и тип участников. В основном стимульные предложения соответствуют ситуациям, для описания которых в различных языках часто используются непереходные предикаты.

Материал для исследования был собран в рамках экспедиции в пос. Потапово Таймырского Долгано-Ненецкого р-на Красноярского края в августе 2015 г. Данные, собранные с помощью метода элицитации, проверялись и дополнялись путем обращения к устным текстам. Предложения на энецком языке, в которых содержится предикатная лексема, при которой два участника выражены с помощью отдельных групп, были получены для 101 из 130 предложений, входящих в анкету. Для исследования вариативности в оформлении участников при глаголах определенного класса привлекались семантически близкие к ним глаголы, не входящие в анкету.

Наиболее многочисленную группу двухместных предикатов энецкого языка, использованных для перевода стимулов анкеты, составляют переходные глаголы: из 101 предложения переходная конструкция была использована в 59. Доля переходных глаголов среди предикатов, использованных при переводе стимулов анкеты, в энецком языке (58%) выше, чем в других уральских языках, для которых в рамках проекта были получены сопоставимые данные (все они относятся к финно-угорским языкам: эрзянский (47%), коми-пермяцкий (46%), коми-зырянский (45%), ингерманландский финский (38%), эстонский (34%)), и близка к доле переходных глаголов в большинстве языков Сибири, для которых были собраны данные. Для многих ситуаций, которые в других генетически и ареально близких языках описываются с помощью непереходных предикатов, в энецком языке используются переходные глаголы: *piis* 'бояться', *perzi* 'помочь', *d'ɔza* 'стрелять', *magus* 'нуждаться'. В нескольких случаях для ситуаций, которые обычно кодируются с помощью переходной конструкции, в энецком языке используется непереходный глагол: при глаголе *kɔma* 'хотеть' второй участник оформляется дательным падежом, для ситуации 'пересечь' используется глагол *kan'ie* 'уйти', второй участник при котором оформлен послелогом *naru?* 'через'.

При части предикатов кодирование участников устроено так же, как в предикативной посессивной конструкции с предикатом *tɔne* 'иметься': оба участника кодируются

номинативом, в позиции подлежащего находится участник-обладаемое, посессор является топикализированным и находится на левой периферии клаузы. Такой способ оформления участников является единственно возможным или предпочтительным, помимо предиката *təne* ‘иметься’, при глаголах *dʲe* ‘болеть’ (в ситуации ‘У моего товарища болит голова’), *təri* ‘быть достаточным’, *kaji* ‘оставаться’ (‘У моего товарища осталось 100 рублей’) и некоторых других. При всех этих глаголах одушевленный участник, оформленный так же, как посессор в предикативной посессивной конструкции, и с семантической точки зрения является посессором.

Среди оставшихся непереходных предикатов можно выделить следующие основные группы: глаголы перемещения в пространстве; глаголы совместного действия; глаголы, при которых второй участник является инструментом; экспериенциальные глаголы.

При глаголах перемещения для оформления второго участника используются показатели пространственных падежей и пространственные послелого. При многих глаголах этой подгруппы наблюдается вариативность между падежным и послеложным оформлением: цель перемещения может оформляться дательным падежом или директивным послелогом одной из серий, начальная точка перемещения может оформляться исходным падежом или исходным послелогом одной из серий. На основании данных текстов предварительно можно предположить, что выбор способа оформления зависит и от типа второго участника, и от типа глагола. Падежные показатели скорее используются для участников, которые можно считать базовыми локализациями (*mɛʔ* ‘чум’, *bar* ‘край’), и в меньшей степени — для оформления других типов участников (например, *bago* ‘яма’, *kədu* ‘нарта’). Также падежные показатели используются скорее при базовых глаголах перемещения (*kanʲe* ‘уйти’, *təʔ* ‘дойти’) падежные показатели скорее, чем при глаголах, обозначающих специфические способы перемещения (*kauʲs* ‘упасть, слезть’, *pəkuru* ‘залезть’).

При глаголах совместного действия и при глаголах со вторым участником-инструментом для оформления второго участника используется местный падеж. При глаголах совместного действия (*tarur* ‘драться’, *dʲorir* ‘разговаривать’, *kauzur* ‘ругаться, ссориться’) второй участник также может оформляться послелогом *nəʔ* ‘с’, однако этот послелог в основном используется для оформления сопровождающего участника в тех случаях, когда он не входит в толкование глагола (например, при глаголах *dʲiri* ‘жить’, *be* ‘дежурить’ и глаголах перемещения). К глаголам, при которых второй участник может рассматриваться как инструмент, относятся глаголы *lebitur* ‘махать’, *padi* ‘наполниться’, *te* ‘пахнуть’ и некоторые другие.

Основная часть экспериенциальных глаголов, к которым обычно относят глаголы восприятия, мышления и эмоций, в энецком языке также являются непереходными. Непереходные глаголы этой семантической группы не составляют единого класса с точки зрения способа оформления второго участника. При глаголах *pudiri* ‘верить’, *dʲeɔdur* ‘доверять’ второй участник оформляется дательным падежом. При глаголах *pajaru* ‘стесняться’, *baruʲ* ‘рассердиться, огорчиться’, *dʲuke* ‘удивиться’ второй участник используется в исходном падеже. При некоторых экспериенциальных глаголах второй участник может оформляться послелогом *dʲez* ‘в сторону’ или дательным падежом; к ним относятся глаголы *barzir* ‘сердиться’, *bəbur* ‘ворчать, раздражаться’ и *senir* ‘смотреть’. Распределение двух вариантов оформления второго участника несколько различается для разных глаголов и у разных носителей, однако основная закономерность заключается в том, что зависимые, выраженные личным местоимением, скорее выступают в форме дательного падежа, а зависимые, выраженные с помощью именных групп, скорее оформляются с помощью послелога *dʲez*.

В. В. Понарядов

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

САМОДИЙСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

В то время как лексические связи самодийских языков с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими в настоящее время неплохо изучены, их связи с монгольскими языками до сих пор не подвергались специальному исследованию и обычно вообще игнорируются. Рассмотрение проблемы показывает, что количество самодийско-монгольских словарных сходжений на самом деле весьма велико. При этом можно выделить несколько слоев общей лексики.

1. Древнейший общий пласт включает лексику, общую не только монгольским и самодийским, но и финно-угорским языкам. Входящие в него слова связаны регулярными фонетическими соответствиями и должны восходить к древнейшему общему праязыковому предку рассматриваемых языковых групп. В настоящее время выявлено около 30 таких сходжений. Например:

- ПСам. **kââ*- ‘умирать’, ПФУ **kali*- ‘умирать’, ПМонг. *(*h*)*ala*- ‘убивать’;
ПСам. **keâj* ‘язык’, ПФУ **kâli* ‘язык’, ПМонг. **kelen* ‘язык’;
ПСам. **kâmâ*- ‘падать’, ПФУ **kuma* ‘ничком’, ПМонг. **kömeri*- ‘перевернуть’;
ПСам. **kâât* ‘ель’, ПФУ **kuwsi* ‘ель’, ПМонг. **kusîn* ‘кедр’;
ПСам. **nerâ* ‘передний’, ПФУ **nâri* ‘нос’, ПМонг. **nîhur* ‘лицо’;
ПСам. **pur* ‘дым’, ПФУ **purka* ‘метель’, ПМонг. **borahan* ‘дождь’;
ПСам. **soj*- ~ **söj*- ‘горло’, ПФУ **šuwz* ‘рот’, ПМонг. **sübe* ‘игольное ушко’;
ПСам. **tâlâ*- ‘красть’, ПФУ **sala* ‘тайна, красть’, ПМонг. **alda*- ‘упускать, терять’;
ПСам. **terâ* ‘полный’, ПФУ **tâwdi* ‘полный’, ПМонг. **dühürej* ‘полный’;
ПСам. **tuj* ‘огонь’, ПФУ **tuli* ‘огонь’, ПМонг. **tüle*- ‘жечь’ (или **döli* ‘пламя?’).

2. Общая прасамодийско-монгольская лексика без финно-угорских параллелей принципиально допускает двоякое объяснение: это также может быть древнейшее общее праязыковое наследие, финно-угорские этимологические соответствия которого в процессе исторического развития оказались утраченными, или же это могут быть взаимные заимствования как из (раннего) прамонгольского в прасамодийский, так и в обратном направлении. Примеры подобной лексики:

- ПСам. **kontâ*- ‘спать’, ПМонг. **kona*- ‘ночевать’;
ПСам. **mâncz*- ‘смотреть’, ПМонг. **mana*- ‘сторожить’;
ПСам. **ser* ~ **ser* ‘белый’, ПМонг. **sira* ‘желтый’.

По историко-культурным соображениям представляется крайне вероятным заимствование из прасамодийского в прамонгольский названия домашнего северного оленя:

- ПСам. **t'êâ* ‘северный олень’, ПМонг. **čaha* ‘северный олень’.

3. После распада прасамодийской общности и расселения самоедоязычного населения на обширнейших территориях, простирающихся от побережья Северного Ледовитого океана до Саянского нагорья, а также позднейшей экспансии монгольских языков на запад, южные самодийские этносы оказались в непосредственном контакте с монголоязычным населением. Хотя, несомненно, часть монголизмов проникала в самодий-

ские языки через тюркское посредство, отсутствие соответствующих лексем в тюркских языках должно рассматриваться как свидетельство непосредственных контактов с монголами не только саянских самодийцев, но и селькупов. Например:

селькуп. (кетский диалект) *āңгай* 'узда', монг. *амгай* 'удила';

селькуп. *тōн* 'сто', монг. *тоо*, бурят. *тоон* 'количество, число'.

Наличие большого количества общих словарных единиц в самодийских и монгольских языках свидетельствует о длительности и интенсивности их исторических контактов. Древнейший пласт этой лексики, представленный также и в финно-угорских языках, может восходить к общему урало-монгольскому праязыку или, с меньшей вероятностью, к праурало-алтайскому.

Е. Т. Пушкарева

**ОТРАЖЕНИЕ ПИЩЕВОЙ ЛЕКСИКИ
В НЕНЕЦКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ 1965 ГОДА
И СЛОВАРЕ МАМИНОГО ЯЗЫКА
(НА КАНИНСКОМ ГОВОРЕ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА)
М. Я. БАРМИЧ**

В двух этих словарях достаточно хорошо описана пища ненцев, насколько это вообще возможно в двуязычном словаре, а не в толковом. В них находим виды еды, способы приготовления еды, глаголы процесса еды, еда, приготовляемая мужчинами и женщинами, манера посадки при еде, выти. Утварь и её использование в религиозных обрядах тоже нашло отражение в словарях. Манера есть тоже представлена. Надо сказать, что есть некоторые различия в терминах в зависимости от Говоров. В словарях также имеются некоторые загадки про еду. В словарях четко прослеживаются локальные особенности еды, а также общененецкие блюда, продиктованные общностью животного и растительного мира.

Эти два названных словаря отражают в основном пищевую лексику до семидесятых годов XX века. Они не отражают изменения, произошедшие в питании ненцев за последние 40 лет, связанные со способом проживания: кочевой, полукочевой, полуседлый, оседлый: поселок, город.

Н. В. Сайнакова

Томский государственный университет

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ РАССЕЛЕНИЯ
ДИАЛЕКТНО-ЛОКАЛЬНОЙ ГРУППЫ ШЁШКУПОВ Р. ОБИ
ПО ДАННЫМ УСТНОЙ ИСТОРИИ**

В докладе будет рассмотрен ареал распространения диалектно-локальной группы шёшкупов р. Оби по данным устной истории, записанной разными исследователями у селькупов, проживающих на Оби между средним (копыловским) устьем Кети и верхним устьем Кети (до Тогура) — в н. п. Иванкино, Киярово — в настоящее время потомки этого населения проживают в пос. Иванкино и г. Колпашево.

Для написания доклада были использованы материалы К. Доннера (1911—1914), полевые материалы Г. И. Пелих (1961 г.), В. А. Дрёмова (1965 г.) и материалы томских лингвистов — А. П. Дульзона (1952 г.), А. И. Кузьминой (1965 г.), С. В. Глушкова (2011 г.).

В научный оборот будут введены полевые материалы этнографической экспедиции Г. И. Пелих (1961 г.). Полевые дневники содержат данные «устной истории», записанные от информантов следующих населённых пунктов: Иванкино, Сондорово, Колпашево. От информантов-селькупов зафиксированы сведения о местном самоназвании и самоназваниях своих соседей, о том кого они считают «своими», а кого нет.

На основе вышеприведённых работ и полевых материалов была составлена карта «Территория распространения шёшкупов р. Оби».

Территориальные границы распространения среднеобского диалекта, на основании данных лингвистических исследований определялись разными авторами по-разному. Однако данный вопрос в научной литературе освящён недостаточно. Конкретного определения границ шёшкупского ареала никто из исследователей в своих работах не выявляет, а только упоминают населённые пункты, где отмечен говор.

В связи с этим важным является как сбор и обобщение всего имеющегося полевого лингвистического и этнографического материала связанного с вопросом расселения шёшкупов, но и использование воспоминаний информантов-селькупов, которые помогут более детально разобраться в вопросе выявления территориальных границ.

Tapani Salminen

University of Helsinki

**ON THE RELATIONSHIP OF PHONOLOGY,
PHONETICS AND ORTHOGRAPHY
IN THE STUDY OF TUNDRA NENETS VOWELS**

The presentation consists of the following sections: 1. Basic vowels; 2. The short vowel; 3. The “stretched” vowels; 4. The “schwa”; 5. The vowel sequences; 6. The phonetic vowel harmony and the phonetic schwa insertion; 7. Вместо заключения.

A more extensive, yet preliminary, text is available at:

http://www.helsinki.fi/~tasalmin/6ICS_Salminen.pdf

Sándor Szeverényi

University of Szeged

**INFORMATION STATUS AND PERSPECTIVATION:
ANNOTATION PROBLEMS
IN THE SPOKEN NGANASAN CORPUS,
WITH PARTICULAR REFERENCE
TO THE QUOTATION STRATEGIES**

The aim of the presentation is to solve a annotation problem encountered in the Hamburg Nganasan Corpus (NGAN-CORP). The problem is the annotation of information status (Götze et al. 2007) in the case of perspective change. In order to find a solution to annotation, we have to be aware of the relevant characteristics of the corpus, first of all structures where perspective change occurs. Thus, the research has two goals: to develop 1) corresponding annotation solution, 2) classification of the Nganasan quotation strategies.

The corpus contains mainly oral monologic narratives. Most of them are folklore texts and personal stories, life stories. The native speakers were influenced by the circumstances of the recording in way of the presentation. The most common situation was when the informant was sitting against a non-native speaker (the researcher), rarely a native speaker joined the recording as audience. In this case, the audience was the researcher who was not involved in the shaping of the story. All of this means that there is little feedback to the speaker, with minimal interaction. Another important feature of the corpus is that the stories contain relatively few proper names: the natural, geographical phenomenon (e.g. mountain, river, lake, city) typically only get name if it is generally known or it is the main topic of the story. Second, the recurring events as a relevant characteristic must be mentioned. There are structures where the same event occurs with different characters or the same event happens several times with the same characters. Finally, the corpus contains a lot of quotation.

These features make more difficult the annotation of the discourse referents, because the same or synonym lexical items can have more referent in one and the same discourse event.

We studied the quotations where there are introductory utterance before or after the quoted clause (including verbs such as say, cry, think, ask etc.). It always causes perspective change. Any kind/type of indirect quotation strategy has not been detected in the corpus.

Results and solutions:

1. The introductory quotation clauses are annotated separately. The predicate of the introductory utterance is labeled as “quotative say”. The different perspectives are indexed.

2. The Nganasan language does not know indirect quotation strategy. The reasons hardly can be established, for now only a number of factors can be taken into consideration, e.g. the differentiated morphological system of evidentiality, where a renarrative/narrative/quotative mood plays an important role. Furthermore, the lack of deictic present time can play a role the formation of quotation too.

Literature

Götze M., Dipper S, S Skopeteas eds. Information Structure in Cross-Linguistic Corpora: Annotation Guidelines for Phonology, Morphology, Syntax, Semantics, and Information Structure. Interdisciplinary Studies on Information Structure (ISIS), Working Papers of the SFB 632 in 2007; 7th

И. П. Сорокина

Институт лингвистических исследований РАН

РЕЗУЛЬТАТЫ РУССКО-ЭНЕЦКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Энцы, которых в настоящее время насчитывается очень мало, живут в труднодоступных местах п-ва Таймыр. Интенсивное взаимодействие их с русскими началось в основном после революции, и языковое влияние русского на энецкий язык осуществляется сравнительно недавно. Это влияние проявляется различно в двух диалектах энецкого языка. Носители диалекта бай, живущие около крупных промышленных центров (Норильск, Дудинка), испытывают более интенсивное воздействие русского языка по сравнению с носителями другого диалекта — маду, живущими в самом устье Енисея.

Граматики самодийских языков и русского, как известно, совершенно различны. Поэтому влияние проявляется в основном в лексике. Морфология остается неизменно самодийской, но русские слова подвергаются адаптации. Обычно заимствуется лексика, которая выходит за рамки традиционного образа жизни. Словарь пополняется лексическими единицами, характеризующими наднациональные формы быта (*агитатор, армия, призыв*), словами связанными с современной техникой (*мотор, телевизор, радио, телефон*), сорными словами (*однако, вовсе, что*), абстрактными понятиями (*жалость, любовь, мысль*), словами, обозначающими бытовые принадлежности, которые были ранее не характерны для уклада самодийцев: печь — *печи*, спички — *пички*, свеча — *феча* и т. д.

Русские слова, попадая в энецкий язык, адаптируются в нем в соответствии с фонетическими нормами последнего. Например, в энецком как и во всех самодийских, невозможно стечение согласных, особенно в начале и в конце слова. В энецких аналогах соответствующих русских слов либо опускается один из согласных (*школа — кола*), либо согласные разряжаются гласными (*крупа — курупа, труба — туруба*).

Заемствованные из русского языка имена существительные и глаголы изменяются по нормам энецкой грамматики. Имена существительные присоединяют показатели числа, падежа, притяжательности: *печи-б* ‘моя печка’, *печи-д* ‘к печке’. Глаголы в инфинитиве приобретают энецкие инфинитивные показатели и спрягаются по нормам энецкого языка:

Пить чай — *чай-дь* (*чайна-з* ‘я пью чай’). Часто заимствуются из русского языка числительные, вытесняя исконные энецкие. Также в связи с переходом энцев на русскую систему времяисчисления утратились исконные названия энецких календарных месяцев.

Широко распространены во всех самодийских языках кальки с русского (Новый год, Красная Армия). Если при переводе выражения с русского языка на энецкий, энецких слов недостаточно, то часть кальки используется в русском варианте: *мотор одду* — моторная лодка. Имеют место и фразеологические кальки (*не нин адираха* — сидеть как на иголках).

Под влиянием современного быта в самодийских языках возникли новообразования: *ту одду* — паролод (букв. огонь лодка), *агга деру* — праздник (букв. большой день).

В энецком языке иногда встречаются конструкции сложносочиненного и сложноподчиненного типа, построенные под влиянием соответствующих русских оборотов. В качестве союзов сложносочиненного предложения используется наряду с исконным союзом *ань*, русский союз *и*. Отметим, что энецкий *ань* имеет кроме значения союза и ещё ряд значений — также, опять, ещё — и употребление русского *и* в энецких фразах можно связать с многозначностью исконного союза. Энецкий язык тем самым использует русский для устранения полисемии. В сложноподчиненных оборотах используется иногда русский союз *что*, не имеющий аналога в энецком языке.

Ivan Stenin

National Research University Higher School of Economics

**CAUSATIVIZATION AND (A)TELICITY:
A NORTHERN SAMOYEDIC PERSPECTIVE**

During last decades, there has been paid much attention in the literature to various interactions between argument structure and actionality of a verbal predicate (see e. g. an extravagant survey in Croft 2012, more mainstream view is reflected in Levin & Rappaport Hovav 2005). Correlations between antipassive and atelicity are the recurrent topic within studies of individual languages all over the world, especially Eskimo-Aleut and Mayan (see references in Polinsky *forthc.*; Say 2008; Tatevosov 2011¹¹). Another type of interaction, that between anticausative and (a)telicity, has been also addressed, though not so much (see e. g. Lyutikova & Tatevosov 2010). As for causatives, some authors have pointed out that in general they are telic (see Chierchia 1989), while others have noticed that 1) not all causatives are telic; 2) some causatives alternate with atelic rather than telic non-causatives verbs (Davis 2000). The observation that causatives does not merely introduce a new argument but affect eventuality type is also important in this connection. In Turkic, for example, indirect causatives often extend a range of actional interpretations attributed to a given predicate (Tatevosov & Ivanov 2009; Tatevosov 2015). Data from Northern Samoyedic are particularly interesting in this respect, since these languages typically lack productive indirect causatives and have aspectual system based on rather different grounds than in Turkic.

It is well known that in Samoyedic¹² the opposition of perfective vs. imperfective coincides with the opposition of telic vs. atelic (Shluinsky 2005; 2012). Also, there is much agreement among scholars¹³ that aspect in the Samoyedic languages is lexical in the same sense as it is lexical in Russian and other Slavic languages. On the other hand, it is common knowledge in Samoyedic studies that causative markers always perfectivize a given verb (see e. g. Gusev 2012: 330–331 for Nganasan, where it has been argued that even when an imperfective verb is causativized the derived verb will be perfective). However, the situation in Northern Samoyedic is not as straightforward as it might seem at first glance.

One type of exceptions from one-to-one correlation between causativization and telicization has been reported in Stenin 2015. This is the case of basic verbs of motion, ‘go’ and ‘walk’, causatives from which are imperfective and atelic in all Northern Samoyedic languages, and exhibit sociative causation, as ex. (1b) from Tundra Nenets demonstrates.

(1a) *wæsa*ko *yader-ŋa*
old.man walk-GFS.3SG.S
‘The old man is walking.’

¹¹ This paper examines a rather different problem, namely, how actional modification can result in antipassivization.

¹² On the peculiarities of Nganasan aspectual system see (Gusev 2012).

¹³ Cf., however, (Tatevosov 2014) who proposes that aspect in languages such as Russian or Tundra Nenets does not come from a dictionary but emerges via syntactic derivation.

- (1b) *wæsako-d°m.* *nyú-myih* *syiq-myih* *yadela-°*
 old.man-1SG.S child-poss.1NPL PN.ACC-POSS.1NPL walk.CAUS-GFS.3SG.S
 ‘I am an old man. My son is guiding me.’

The situation is not such surprising if one assumes (in line with Lyutikova & Tatevosov forthc.) that sociative causation is not a type of causation intermediate between direct and indirect ones, as Shibatani & Pardeshi 2002 state, but rather a subtype of direct causation with the strictest constraints on the temporal construal of a complex event description. On this view, subevents in case of sociative causation are related incrementally (in a sense of Rothstein 2004), i. e. they are temporally co-extensive and demonstrate one-to-one mapping. However, other causatives, which are expected to exhibit sociative causation as well, even causatives from other verbs of motion, fail to be imperfective and atelic. This puzzle calls for an explanation.

Another deviation from the basic rule outlined above is the case of causatives from various intransitive imperfective “manner verbs” (in terms of Rappaport Hovav & Levin 1998). This can be illustrated with ex. (2b) from Tundra Nenets, where such verbs specify a manner of motion (rotation, oscillation, vibration and so on) or are verbs of sound emission and speech, usually have stems ending in *-nə-* or *-ra-*, and produce causatives only through preceding inchoativization.

- (2a) *yeya* (*myercya-xəd°*) *ləb°nə-°*
 fur.tent.cover wind-ABL sway-GFS.3SG.S
 ‘The tent cover is swaying in the wind.’
- (2b) *lək°ryih* *myercya* *yeya-m* *ləb°nə-l-ta-°*
 suddenly wind fur.tent.cover-ACC sway-INCH-CAUS-GFS.3SG.S
 ‘Suddenly, the wind started to sway the tent cover.’ (Tereščenko 1965: 161)

The variant **ləb°nə-da-* (without an inchoative marker) is ungrammatical, as well as **ləb°nə-ra-*, **ləb°nə-bta-* or **ləb°nə-rəbta-* (with other causative markers). In order to build an imperfective causative verb ‘sway’ (tr.), one should further imperfectivize *ləb°nə-l-ta-* by means of Durative, the most productive imperfectivizing derivation.

Actually, this is not the whole truth about the interplay of causativization, actionality and aspectual modification in the Northern Samoyedic languages. Other intriguing examples will be also discussed in the talk.

References

- Chierchia**, Gennaro. 1989. A semantics for unaccusatives and its syntactic consequences. Ms., Cornell University. — **Croft**, William. 2012. *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford: Oxford University Press. — **Davis**, Henry. 2000. Salish Evidence on the Causative-Inchoative Alternation. In *Morphological Analysis in Comparison*, ed. by Wolfgang U. Dressler, Oskar E. Pfeiffer, Markus Pöchtrager and John R. Rennison. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 25–60. — **Gusev**, Valentin Yu. 2012. Aspekt v nganasanskom jazyke. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. VIII, part 2. Studies in the theory of grammar. Issue 6. Typology of aspectual systems and categories, ed. by Vladimir A. Plungian. Saint Petersburg: Nauka, 311–360. — **Levin**, Beth & Malka **Rappaport Hovav**. 2005. *Argument Realization*. Cambridge University Press. — **Lyutikova**, Ekaterina A. & Sergei G. **Tatevosov**. 2010. Atelicity and anticausativization. In *Argument Structure and Syntactic Relations: A Cross-Linguistic Perspective*, ed. by Maia Duguine, Susana Huidobro and Nerea Madariaga. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 35–68. — **Lyutikova**, Ekaterina A. & Sergei G. **Tatevosov**. Forthc. Event (de)composition and fake causativization. In *Proceedings of WAFL 10*. — **Polinsky**, Maria. Forthc. Antipassive. In *The Oxford Handbook of Ergativity*, ed. by Jessica Coon,

Diane Massam, and Lisa Travis. — **Rappaport Hovav**, Malka & Beth **Levin**. 1998. Building verb meanings. In *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, ed. by Miriam Butt and Wilhelm Geuder. Stanford: CSLI Publications. — **Say**, Sergei S. 2008. *K tipologii antipassivnyx konstrukcij: semantika, pragmatika, sintaksis*. PhD thesis. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies. — **Shibatani**, Masayoshi & Prashant **Pardeshi**. 2002. The causative continuum. In *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*, ed. by Masayoshi Shibatani. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 85–126. — **Shluinsky**, Andrey B. 2005. *Tipologija predikatnoj množestvennosti: količestvennye aspektual'nye značeniya*. PhD thesis. Moscow: Moscow State University. — **Shluinsky**, Andrey B. 2012. Faktativ i smežnye kategorii: opyt tipologii. In *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. VIII, part 2. Studies in the theory of grammar. Issue 6. Typology of aspectual systems and categories, ed. by Vladimir A. Plungian. Saint Petersburg: Nauka, 950–996. — **Stenin**, Ivan A. 2015. Nekauzativnye efekty kauzativnoj morfologii v severnosamodijskix jazykax. In *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. XI, part 2. Language diversity in Russian Federation, ed. by Evgenij V. Golovko, Mekhmet Z. Muslimov, Sof'ja A. Oskol'skaja, Alexander M. Pevnov. Saint Petersburg: Nauka, 583–597. — **Tatevosov**, Sergei G. 2011. Detelization and argument suppression: Evidence from Godoberi. In *Linguistics*, vol. 49, No. 1, 135–174. — **Tatevosov**, Sergei G. 2014. Ot imeni k glagolu i obratno: zametki tipologa ob akcional'noj kompozicii. In *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, vol. X, part 3. Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata, ed. by Sergej Yu. Dmitrenko & Natal'ja M. Zaika. Saint Petersburg: Nauka, 657–691. — **Tatevosov**, Sergei G. 2015. *Akcional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytija*. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur. — **Tatevosov**, Sergei G. & Mikhail Yu. **Ivanov**. 2009. Causativization and aspectual composition. In *MIT Working Papers in Linguistics*, vol. 58: *Proceedings of the 5th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFLL5)*, ed. by Ryosuke Shibagaki and Reiko Vermeulen. Cambridge, 380–394. — **Tereščenko**, Natal'ja M. 1965. *Nenecko-russkij slovar'*. Moscow: Sovetskaja ènciklopedija.

С. Г. Татевосов

МГУ им. М. В. Ломоносова

НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ НАД НЕНЕЦКИМ ИТЕРАТИВОМ

В докладе обсуждаются семантика и событийно-структурные свойства ненецкого Итератива (Salminen 1997, 1998, Nikolaeva 2014: 45), известного также как вид множественного действия (Терещенко 1947) или раритив (Буркова 2010). Итератив описывают ситуации, разбивающиеся на множество атомарных подситуаций (см. в первую очередь Шлуинский 2004). Это иллюстрируется в (1)-(2):

(1) *wasya radio-n^oh yincyelye-^o*

Вася радио-DAT слушать-GFS.3SGS

‘Вася слушает радио’.

(2) *wasya radio-n^oh yincyelye-ngkø-^o*

Вася радио-DAT слушать-ITER-GFS.3SGS

‘Вася (временами) прислушивается к радио’.

В то время как предложения с производными глаголами ничего не сообщают о том, как описываемая ситуация членится на подситуации, предложения с Итеративом не только указывают на наличие множества подситуаций, но и на то, что между элементами этого множества имеются временные промежутки.

Ключевая характеристика Итератива: все итеративы распределяются по четырем актантно-акциональным классам (Татевосов 2016). Актантно-акциональный класс определяется акциональной матрицей, которая имеет вид $\langle \alpha_S, \alpha_{sO}, \alpha_R \rangle$, где α — акциональное значение, а S, sO и R — соответственно нетривиальное субъектное, объектное / тривиальное субъектное и возвратное спряжения. Параметр α может принимать три значения — “T” (‘форма имеет предельное акциональное значение’), “A” (‘форма имеет неопредельное значение’) и “—” (‘форма отсутствует’). Актантно-акциональные классы (с одним представителем для каждого) показаны в таблице 1.

Название класса	Актантно-акциональная матрица	Представитель	S	sO	R
S-неопредельный	$\langle A, —, — \rangle$	<i>tǎrpǎŋǵǎ(сь)</i> [tǎrpǎŋkø] ← ‘выходить’	tǎrpǎŋkø- ^o ‘выходить время от времени’	—	—
S-R ингрессивно-неопредельный	$\langle A, —, T \rangle$	<i>xonǵǵǎ(сь)</i> [xonǵŋkø] ← ‘спать’	xonǵŋkø- ^o ‘спать время от времени, засыпать и просыпаться’	—	xonǵŋki-q ‘начинать засыпать и просыпаться, впадать в сонливость’

Это указывает на то, что, в соответствии с обобщением А. Кратцер, внешний аргумент таких глаголов является синтаксически производным и отсутствует в актантной структуре лексического глагола. В подавляющем большинстве прочих случаев переходность исходного предиката сохраняется у Итератива в виде неопределенного объектного спряжения.

3. *Возможность возвратного спряжения.* Поскольку итератив создает новую (и при этом неопределенную) процессную дескрипцию, наличие возвратного спряжения, обозначающего входение в процесс, у непроизводного предиката не имеет существенного значения. По-видимому, доступность возвратного спряжения для Итератива регулируется теми же закономерностями, что и в случае непроизводных неопределенных глаголов (например, *ядь(сь)* [yadø] ‘гулять’ <А, —, —> vs. *ти(сь)* [tyi] ‘лететь’ <А, —, Т>.

Л и т е р а т у р а

Буркова С. И. 2010. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург, 2010. С. 180—349.

Татевосов С. Г. 2016. Структура и интерпретация ненецкого глагола // Вопросы языкознания.

Терещенко Н. М. 1947. *Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка.* — Л.: Учпедгиз.

Шлуинский П. Б. 2004. Аспектуальные деривации в малоземельском говоре тундрового диалекта ненецкого языка. Технический отчет 2003-06.22. МГУ имени М. В. Ломоносова.

Nikolaeva, Irina A. 2014. *A grammar of Trundra Nenets.* Berlin: Mouton.

Salminen, Tapani. 1997. *Tundra Nenets inflection.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Salminen, Tapani. 1998. *A morphological dictionary of Tundra Nenets.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

А. Н. Терехина, А. И. Волковицкий

НЕНЕЦКИЙ ЧАТ, ПЛАНШЕТ И КИНОЗАЛ В ТУНДРЕ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ОЛЕНЕВОДОВ ЯМАЛА

Доклад основан на материалах, собранных в ходе годичной экспедиции к оленеводам-частникам Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2015—2016 гг.

В дискурсе городского аборигенного сообщества северных регионов часто звучит ностальгия по «уходящим» традициям. Сохранение традиционной (а значит, «правильной») культуры позиционируется как залог развития оленеводства, которое, в свою очередь, воспринимается как едва ли не единственная возможность сохранения собственной идентичности.

«Традиционная культура» — устойчивый конструкт, несмотря на то, что в последнее время появился целый ряд исследований антропологов, демонстрирующих иной подход к проблеме. В этих работах, напротив, важнейшим качеством «традиционной культуры» считается вариативность, которая присуща ей на любом этапе существования.

Различные технические устройства давно вошли в обиход ямальских ненцев. Снегоходы, электрогенераторы, телевизоры, спутниковые и мобильные телефоны, ноутбуки, планшеты, бензопилы, электрические швейные машинки — вот наверняка не полный список промышленных изделий, которыми пользуются в современной тундре. Спецификой нашей полевой работы в том, что мы сами были вовлечены в практики, связанные с использованием сложной техники и обеспечением ее функционирования.

В работах некоторых антропологов проникновение в культуру северных народов технических новинок в разные годы презентовалось как «революция» (ср.: «snowmobile revolution», «mobile phone revolution») — взгляд, который был призван подчеркнуть исключительное значение таких устройств, принципиально менявших (в настоящий момент или на перспективу) саму культуру или хозяйство аборигенов. На протяжении года мы не только наблюдали за использованием этих устройств в рамках «мира вещей», но и фиксировали культурные сдвиги, связанные с влиянием новых технологий на повседневную жизнь стойбища. Кроме того, в ходе нашего длительного пребывания в одной семье мы обратили внимание на целый ряд новых коммуникативных ситуаций, связанных с телефонами, компьютерами и ТВ.

В докладе будут представлены систематизированные данные по вышеуказанной тематике и их анализ.

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет

ЛЕКСИКА ГОВОРОВ РУССКОГО СЕВЕРА В НЕНЕЦКО-КОМИ-РУССКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ МИКРОФОНДЕ

Ближайшими соседями русских на северо-востоке Европейского Севера России являются коми и ненцы. Начало контактов на этой территории датируется рубежом I и II тысячелетий. Появление коми на исследуемых территориях (Мезень, Лешуконье, Печора) также является относительно поздним. В XVI в. начинает складываться этнографическая группа коми-ижемцев, которые завязывают наиболее тесные (из всех коми) контакты с ненцами и русскими региона. Коми заимствовали, а затем и усовершенствовали многие стороны ненецкой оленеводческой культуры. К XVII в. ижемцы начали самостоятельно заниматься оленеводством. У русского населения региона оленеводство также получает своё развитие, однако, в основном, русские не выпасают оленей, а нанимают ненцев в качестве пастухов. Хозяйственный и культурный обмен, этнические контакты становятся базой для контактов языков.

Доклад посвящен ненецким лексемам, заимствованным в русский язык и язык коми и образующим в итоге ненецко-коми-русский лексический микрофонд.

Ненецко-коми-русский лексический микрофонд содержит следующие тематические группы: названия оленей относительно их возраста и использования; названия частей тела оленя; названия, относящиеся к оленьей упряжи и работе с оленями; терминология, относящаяся к средствам передвижения; названия частей чума; названия одежды и обуви; названия орудий и приспособлений; названия, связанные с пищей; географическая терминология; названия, связанные с животными, исключая оленя; названия растений.

Анализ тематических групп показывает, что основным содержанием фонда является лексика, прямо или опосредованно связанная с оленеводством. В соответствии с этим данный лексический фонд можно считать профессиональным, сложившимся в результате совместной оленеводческой деятельности. Это хорошо увязывается с общей ситуацией этнических контактов в регионе, основой которых для ненецкого, коми и русского населения является оленеводство.

Заимствование из ненецкого в русский и коми происходило разными путями. Анализ основных моделей заимствования показывает, что преобладающим является параллельное заимствование ненецких слов коми и русскими.

В каждом из языков есть также собственный фонд ненецких заимствований. Обращает на себя внимание тот факт, что в русских заимствованиях из ненецкого более подробно, чем в коми, отражена ненецкая лексика, связанная с оленьей упряжью и средствами передвижения. Это означает, что русские, безусловно, имели самостоятельные и достаточно глубокие контакты с ненецким населением и без посредства коми. В исследованных нами словарных гнездах в числе доказанных случаев посредства обнаруживается перевес в пользу русских диалектов (9/5). Выявленный перевес русского посредства при заимствовании позволяет предполагать, что северноруссы встретились

с ненецким населением несколько раньше, чем коми. В 12 словарных гнездах выявлены параллели лексемам коми-ненецко-русского лексического микрофонда в обско-угорских языках, которые и сами могут выступать источниками заимствования для русских говоров Урала и Сибири. Это говорит о том, что рассматриваемый нами микрофонд является частью более крупной лексической общности, объединяющей языки и диалекты Севера России. В этот макрофонд диалекты Русского Севера могут входить и независимо от языка коми (напр., русск. *мюйка* 'вытертая до мездры оленья шкура', *хóйка* 'сухая возвышенность в тундре', заимствованные из ненецкого языка, не находят параллелей в коми языке, но имеют соответствия в хантыйском). Коми-ненецко-русский лексический микрофонд является крайне-западной частью макрофонда, охватывая, в основном, русские диалекты Мезени, Печоры и Лешуконья.

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН
Институт языкознания РАН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ ФОРМ В НАРРАТИВЕ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В докладе на материале северносамодийских языков, а также селькупского, рассматривается использование в нарративе эвиденциальных форм. В диалектах ненецкого и энецкого представлена эвиденциальная форма широкой семантики, совмещающая значение инферентива ('говорящий судит о ситуации по наблюдаемым результатам или иным косвенным проявлениям') и репортатива (ситуация известна говорящему с чужих слов'). Эта форма используется в ненецком и энецком в интродуктивных фрагментах, а также при введении «вторичного топика» (однако не в синтаксическом понимании, как в [Nikolaeva 2001], а в дискурсивном — при первом упоминании либо второстепенного персонажа либо некоторого предмета, которому суждено сыграть определенную роль в дальнейшем повествовании). В энецком она же может использоваться как основная на протяжении всего повествования.

В статье [Ханина, Шлуинский 2016], где рассматривается энецкая инферентивная форма (со многими оговорками трактуемая авторами как перфект), и, в частности, ее дискурсивные употребления, с эвиденциальным значением репортатива, присущим этой форме, связываются и интродуктивные употребления этой формы, и ее употребления в качестве основной нарративной формы. Однако если включить в рассмотрение материал нганасанского языка и материал селькупского языка, в которых репортатив и инферентив имеют различное морфологическое маркирование, оказывается, что в данном случае могут быть смешаны две дискурсивные стратегии, одна — ориентированная на употребление инферентива, вторая — ориентированная на употребление репортатива.

При этом противопоставление инферентива vs. репортатива в нганасанских и селькупских нарративах не коррелирует с противопоставлением интродукция ~ основная нарративная форма ~ дискурсивный вторичный топик: интродуктивные фрагменты в селькупском и нганасанском могут маркироваться как инферентивом, так и репортативом, и в большинстве случаев (хотя и следует оговориться, что в настоящее время это противопоставление несколько размыто) выбор нарратива vs. репортатива связан с типом повествования: репортатив употребляется в личных нарративах о событиях, свидетелем которых говорящий не был (напр., истории из жизни старших членов семьи) и в повествованиях об исторических событиях (напр., о военном конфликте), инферентив — в повествованиях о мифологических событиях.

В докладе также делается попытка обосновать выбор для данных двух типов нарративов двух различных эвиденциальных форм.

Литература

- Ханина, Шлуинский 2016 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Энецкий перфект: дискурсивные употребления у эвиденциально-адмиративного перфекта. // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 2. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова (ред.). Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта. СПб.: Наука, 2016, С. 425—474.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. // *Linguistics*. 2001. № 39. P. 1–49.

Anja Harder

University of Hamburg

RECIPIENT ENCODING IN SOUTHERN SELKUP

Constructions with the verb meaning ‘to give’ form ditransitive construction like the typical English example in (1).

(1) *Mary* *gave* *John* *a* *book*.
 A R T

Ditransitive constructions as well as the syntactic structures of Southern Selkup in general have received very little attention in the literature.

The main characteristic of such a ditransitive construction is an **agent** participant (A) that causes an object/**theme** (T) to pass into the possession of an animate **receiver** (R). In order to investigate the use of ditransitive verbs we can examine the argument structure, i.e. how the recipient and the theme are formally coded by the language (Malchukov et al. 2010)¹⁴. We can distinguish three major alignment types (ibid.): indirective alignment (R is encoded differently from P¹⁵ and T), secondary object alignment (T is encoded differently from P and R) and neutral alignment (P, R and T are encoded in the same way).

Like the other Samoyedic languages, Southern Selkup has two different verbs with the meaning ‘to give’: *miku* ‘give’ and *tatiku* ‘bring’. Wagner-Nagy (2013) shows that there are differences in the use of the *give*-verbs among the Samoyedic languages.

My own preliminary corpus-based analyses in the SELSL¹⁶ corpus show, that there are some differences in the use of the *give*-verbs in the two Selkup varieties too:

- the recipient is marked with illative case, if it is expressed by a noun (lative case in Northern Selkup)
- the recipient is marked with dative case, if it is expressed by a pronoun (accusative case in Northern Selkup)
- the theme is always marked with accusative case (in Northern Selkup also instrumental case marking occurs)

The major monotransitive construction in Southern Selkup (which serves as a basis for comparison with the ditransitive T and R) is the accusative encoding of the object (P) of a transitive sentence, shown in (2).

¹⁴ Alternatively we can study the phenomenon regarding the form of the verb (Wagner-Nagy et al. 2013).

¹⁵ Direct object of a transitive construction.

¹⁶ SELSLC (Selkup Spoken Language Corpus) is currently being developed at the university of Hamburg within the DFG-project: “Syntactic description of the Southern and Central Selkup dialects: a corpus-based investigation” (WA 3153/3-1).

- (2) [SEV_1981_SisterBrother_flk: 24]¹⁷, Middle Ob

Tab čobir-p awe:-špa-s.
 he berry-ACC EAT-IPFV-PST.[3SG]
 P_{ACC}
 ‘He ate berries.’

The ditransitive alignment pattern in Southern Selkup is the **indirective alignment**, where T (the direct object) is encoded like the transitive P. The encoding of R varies: A nominal recipient (animate or inanimate) is encoded with the illative case (3). Apronominal one is encoded with the dative case (6).

- (3) [SEV_1981_SisterBrother_flk: 86], Middle Ob

Na ol-m nenn'a-nd ta:di-mba-t i ə:žal-gwa:
 this head-ACC woman-ILL bring-PST.NAR-3SG.O and say-INCH-AOR.[3SG]
 T_{ACC} R_{ILL}
 ‘This head he brought to the sister and said.’

- (4) [SEV_1980_HazelGrouse_flk: 1.12], Middle Ob

Kwe:sse ma:t tö:-mba, paja-qind
 back at.home come-PST.NAR.[3SG] old.woman-LAT.POSS.3SG
ə:žal-gwa: “Mat i:m tada-p”.
 say-INCH-ITER-EP.[3SG] I son-ACC.POSS.1SG bring-1SG.O
 A T_{ACC}
 ‘Back home he came and said to his wife: I bring a son.’

- (5) [PVD_1966_BoyDevil_flk: 22], Middle Ob

Man bi tunu-ne-w, qusakannej as me-ne-w onen qiban'aža-w.
 I if know-AOR-1SG.O, never NEG give-AOR-1SG.O myself boy-ACC.POSS.1SG
 T_{acc}
 ‘If I had know this, I never would have given away my own boy.’

- (6) [ChDN_1983_GirlAndIce_flk: 6], Vasyugan

Ära čenča: ulyo, mažik tan üdi-š, mat t'ekka
 old.man say.[3SG] ice I_{ACC} away let.go-IMP.SG.S, I you.DAT
 A R_{DAT}
n'e-m m'e-lla-ge!
 daughter-ACC.POSS.1SG give-FUT-1SG.S
 T_{ACC}

‘The old man says: Ice, do release me (away), I will give you my daughter.’

The examples show that the agent does not obligatory have to be lexically overt in Southern Selkup, but may be referred to with the personal suffix of the verb (3) and (5). The nominal recipient in (3) is marked with illative case, the pronominal one in (6) is marked with the dative case. In example (4) and (5) the recipient is lexically covert and only known from the context. The second *give*-verb *tatiku* in Southern Selkup in most cases occurs in 3rd person, but there are also other examples like (4), where the verb is in the 1st person.

Further investigations based on larger corpora are needed to solve the question of T-encoding in Southern Selkup.

¹⁷ All examples are taken from the SELSL corpus

References

Malchukov, A., M. Haspelmath, and B. Comrie (2010). *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Wagner-Nagy, B. and S. Szeverényi (2013). “On the argument structure of the ‘give’ verbs in Nganasan and in Selkup”. In: *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 1, pp. 27—37.

Г. П. Харючи

ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА В МИРОВОЗЗРЕНИИ НЕНЦЕВ

Для ненцев Вселенная делится на три мира, населённых людьми, животными и различными божествами и духами — Верхний, Средний и Нижний.

У ненцев есть множество лексических обозначений различных вариантов понятий, связанных с понятием «земля» — *Я*.

Я — место; *Я' тир* — мир, вселенная; *Я' хоба* — земная кора, покров (букв.: земли шкура); *Я' надар* — карта (букв.: земли бумага); *Я' вар* — граница одной страны; *Я' мал* — край земли; *Я' вал* — старинное предание; *Я' табор* — земляной мусор, трава; *Я' сармик* — животное, зверь, животный мир и др.

Пространство имеет четыре стороны горизонта: Север — *нэ́рм' ня́цы* — сторона мороза, холода, *пи тид' няны* — ночной темноты сторона; Юг — *хой' ня́цы* — сторона холмов, *иба' сей-* сторона тепла, сердце тепла; Восток — *Ялэмдад' ня́цы* — сторона Полярной звезды, *яля' џадибелва ня́цы* — сторона, откуда появляется день; Запад — *яля' паклабць'* — сторона, куда уходит день, *пиндя ня́цы* — ночная сторона.

Обская, Тазовская губы, промысловые реки, озера оказывали большое влияние на оформление традиционной культуры. Они определяли их хозяйственный быт, характер поселений. Море, река осмыслились как один из важнейших компонентов модели Вселенной.

Реки и источники включены в сакральную топографию ненцев. Обрывистые и высокие берега — *надо, надо' ся* — это места обитания духов, которые вступают в контакт с человеком во время обрядов жертвоприношений. Духи-хозяева ландшафтов выступают как персонифицированные образы. Реки считались живыми существами. Поэтому не случайно у ненцев имелись гидронимы, образованные от слов, обозначающих части тела человека.

Яха' сякана — на побережье (букв.: на лице реки); *ид' махана* — водный горизонт (букв.: на спине воды);

Встречаются ориентированные названия, указывающие место, откуда берет начало река, по какому ландшафту проходит ее путь. Например, исток реки, берущий начало из болота; река, протекающая через болота; гарь; река, которая течет через долину с камнями.

Есть народные географические названия, несущие информацию о промысловых зверях, рыбах, растениях. Они характеризовали местность, давали информацию об экологических условиях, охотничьем уголье, месте для сбора ягод, заготовке дров и т. д.

Ненцы хорошо освоили огромные тундровые и водные пространства.

С древних времен сложились две модели плоскостных пространственных представлений: ориентация горизонтального и вертикального направления.

Ненцы ориентирование проводили по Солнцу, Луне, звездам, приближенно по ландшафту, направлению ветра. Часто основным ориентиром была Полярная звезда.

В названиях гидронимов отразилась ориентация на местности:

Ориентирами также являются священные места и кладбища. Священные места в виде скопления рогов видны издалека. Кладбища или отдельные захоронения находятся на возвышенностях, обязательно около озера или на берегу реки. Знание естественных и искусственных ориентиров помогало ненцам в освоении местности.

Итак, окружающая среда как объект деятельности, хозяйственного освоения имела у ненцев конкретную географическую характеристику. Ненецкая топонимика точно и предметно информировала о содержании и специфике географического объекта, природного явления либо исторического события. Народные географические названия содержат сведения о промысловых зверях, рыбах, растениях на территории проживания ненцев. Они характеризовали местность, давали информацию об охотничьих угодьях, местах сбора ягод и заготовки дров.

Тундра, море, реки осмыслились как важнейшие компоненты модели Вселенной.

Veronika Hegedűs, Nikolett Mus, Balázs Surányi

Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences

PREDICATIONAL COPULAR CLAUSES AND LOCATIONAL CONSTRUCTIONS IN TUNDRA NENETS

In this talk we will examine the syntactic behavior of Tundra Nenets copular constructions that contain a locative predicate. We will claim that these sentences exhibit one of two basic neutral word orders that are associated with different interpretations. S LOC COP orders are predicational copular constructions, in which a location is predicated of the grammatical subject. LOC S COP orders are closer to existential constructions in meaning, as they describe a location/situation. It is this latter construction that we term ‘locational’ (departing in this respect from Nikolaeva 2014, who categorizes every sentence with a locative grammatical predicate ‘locational’).

In our study we focus on copular clauses, and put aside existential sentences that contain the existential verb *taña-*. In copular clauses the (at first sight) obligatory copula is selected on the grounds of the animacy of the subject: it is *ŋa* with inanimate subjects and *me* with animate subjects (as in 1a–b). The basic word order is S LOC COP with definite subjects.

- (1) a. *tol komnata-xana ŋa.* S LOC COP
table room-LOC be.3SG
‘The table is in the room.’ (Nikolaeva 2014: 263)
- b. *weŋako m'a-kana me.* S LOC COP
dog tent-LOC be.3SG
‘The dog is in the tent.’ (Nikolaeva 2014: 263)

In these constructions, the subject NP can be a silent pronoun, as the agreement on the copula allows us to recover the meaning of the pronominal subject (2).

- (2) *waw-dar ʔaxaŋa me-ʔ.* (S) LOC COP
bed-PRDST.2SG behind.LOC be-3PL
‘They are behind your bed.’ (Labanauskas 1995: 145)

In addition to the S LOC COP order, we also find the order LOC S COP. The (quasi-)minimal pair in (3) and (4) illustrate this variation. The variation does not seem to be optional, however, as the subject in the order in (4) must be interpreted as non-specific, while in the order in (3) it must be interpreted as definite, or at least specific.

- (3) *ŋga, kŋiga stol-ʔ niŋa ŋa.* S LOC COP
yes book table-GEN on be.3SG
‘Yes, the book is on the table.’ (Ev.L 2012)
- (4) *tol-ʔ niŋa žurnal-ʔ, gažet-ʔ ŋa-ʔ.* LOC S COP
table-GEN on journal-PL newspaper-PL be-3PL
‘There are journals and newspapers on the table.’ (Vanuyto 2012: 18)

We analyze the difference as follows. Both orders are derived from a grammatical predication structure, where LOC is the grammatical predicate and S is the grammatical subject of predication. In S LOC COP sentences the locative predicate and the copula form a complex predicate, and the grammatical subject acts as the logical subject of predication (in Brentano's and Marty's sense). The latter explains why subjects of S LOC COP sentences are interpreted as specific or definite. In contrast, the subject in locational constructions is not a logical subject of predication. Instead, the whole clause describes a situation or location. In these constructions, the word order is LOC S COP. While it is tempting to equate this interpretive difference with the distinction between categorical andthetic constructions (Kuroda 1972), this would not be quite accurate. While in locational sentences the grammatical subject is not the logical subject, the locative adverbial can be. If it is, then it is possible to see why S must become part of the logical predicate, constituting a complex predicate together with the copula. Unless it does so, there will be no logical predicate to be predicated of the logical subject (as the copula cannot serve this purpose on its own). This in turn explains why S must be interpreted as non-specific: nominals that are part of a complex (verbal-nominal) predicate generally cannot be interpreted as specific or definite.

The only examples we have found so far that seem to contradict the generalization that locational sentences have a LOC S COP word order are some interrogative sentences, where the LOC is a clause-initial interrogative adverbial element, as in (5).

- (5) *xańana śam'anxat ŋarka stad'ion ŋa?* LOC S COP
 where SUPL big stadium be.3SG
 'Where is the largest stadium?' (Nenyang 2005: 78)

Such counterexamples are merely apparent, however. While LOC S COP is the neutral word order of 'locational' sentences, this does not preclude the existence of other word orders, which, nevertheless, are expected to be associated with a special, non-neutral meaning. Information questions incontrovertibly fall under this rubric.

Abbreviations

Ev.L	Evdokiya Lampay	PRDST	predestinative
LOC	locative	SG	singular
PL	plural	SUPL	superlative

References

- Kuroda, Sige-Yuki. 1972. Categorical andthetic judgments: Evidence from Japanese syntax. *Foundations of Language* 9:1–37.
- Labanauskas, Kazys I. (Лабанаускас, Казис И.) 1995. *Nenetskiy folklor: Mifi, skazki, istoricheskie predaniya* (Ненецкий фольклор: Мифы, сказки, исторические предания) [Nenets folklore: myths, fairy tales, historical legends]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Nenyang, Mikhail A. (Ненанг, Михаил А.) 2005. *Russko-nenetskiy razgovornik* (Русско-ненецкий разговорник) [Russian-Nenets Phrasebook]. Sankt-Peterburg: Drofa.
- Nikolaeva, Irina 2014. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Vanuyto Galina, I. (Вануйто, Галина И.) 2012. *Russko-nenetskiy razgovornik* (Русско-ненецкий разговорник) [Russian-Nenets phrasebook]. Moskva: Ventana-Graf.

Е. С. Яптик

Отдел загс Ямальского района ЯНАО

О «СЛОВАРЕ ЛИЧНЫХ ИМЁН НЕНЦЕВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА»

Книга «Словарь личных имён ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа» вышла в конце 2015 года в издательстве «Алмаз-Граф» (Санкт-Петербург). Автор — Яптик Елизавета Сэроковна, работающая более пятнадцати лет в отделе записи актов гражданского состояния Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО).

В «Словаре» около **7 тысяч** ненецких имён и около **150** ненецких фамилий. При создании словаря использовались в основном архивы отделов ЗАГС Ямальского, Тазовского, Надымского и Приуральского районов, где преимущественно проживают ненцы. Кроме этого, источниками информации служили различные литературные источники, фольклорные произведения и жители округа — носители информации об именах.

Основные части книги следующее: «От автора»; «Об именах», список ненецких имён в алфавитном порядке, «О фамилиях» и таблица ненецких фамилий.

Систему имён и имянаречения ненецкого народа достаточно уже описали в своих трудах Н. М. Терещенко, Л. В. Хомич, М. Я. Бармич, Л. П. Ненянг, Е. В. Лярская. Автор словаря сделал попытку анализа известных трудов и постарался подать материал в более популярной форме. Словари личных имён ненцев тоже есть, созданные Л. П. Ненянг «Наши имена» и Г. И. Вануйто «Словарь личных имён ненцев». Но, как оказалось, этого материала недостаточно для практической работы.

При создании компьютерных баз данных в разных структурах и организациях, в том числе и органах ЗАГС, обнаружился такой момент — как различное написание личных имён, фамилий, отчеств в документах граждан. Особенно, это коснулось национальных имён.

Так как у ненцев не было своей письменности, запись имён стала вестись с приходом Советской власти в 20-х годах XX века. Из-за отсутствия специалистов, грамотно владеющих русским и местным языками, в органах ЗАГС национальные имена фиксировались на слух. Это поспособствовало тому, что многие национальные имена были зафиксированы искажённо и за счёт этого их количество значительно возросло. В силу того, что в ненецком языке много смежных звуков, а также слов, отличающихся различной долготой произношения, которые не совсем могут совпадать с русским письменным алфавитом, то одни и те же имена, фамилии в разных документах были записаны по-разному. Доходило до такого, что члены одной семьи, рождённые от одних родителей, не могли доказать родство и вступить, к примеру, в наследство. Например, брат и сестра могли быть записаны так: *Туседа Хадко Эвадёвич* и *Тусидо Марья Айводювна* (фамилия звучит по-ненецки *Тусьда* — без огня, отец — *Нэвадэ* — остаться дома).

Как показала практика, правильное написание имени важно не только орфографически, но и с юридической точки зрения. Например, в Тазовском районе, в отличие от

Ямальского района ЯНАО, преобладает таймырское произношение имён (*Танко — Табко, Луца — Луца, Айси — Ёэси*). Бывает, что в одних документах гражданин записан как *Яптунай Вэсако Эвасэракович*, в других — *Яптонэ Вейсако (Весоко, Весаку) Айвасерокович* и т. д. Поэтому, в словаре приведены различные варианты написания имён с отсылками к тем формам имён, которые свойственны ненецкому языку полуострова Ямал, считающемуся стандартом и более близким автору. Например, *Весаку — см. Вэсако*.

Это сделано для тех специалистов, которые вынуждены заниматься исправлением имён (т. е. фамилий, имён и отчеств) в документах (работники загсов и архивов, нотариусы, судьи). Особенно это необходимо тем, кто не владеет ненецким языком, чтобы легче было доказывать принадлежность имён, а это значит — принадлежность юридических документов, одному человеку.

В части «Об именах» даются попытки систематизировать причины видоизменений имён.

1. Однокоренные имена с добавлением словообразующих частиц. Особенность данных частиц в том, что имена могут быть самостоятельными как с частицей, так и без них. И в то же время они могут принадлежать одному человеку.

Например, к имени **Хасава** добавляется частица **јани-** (*снова, опять*), что не искажает первоначального смысла. Это вполне может быть именем одного человека, которого в разных ситуациях могут звать как **Хасава** (*мужчина, человек*), так и **Јанихасава** (*снова мужчина*).

Имена **Јани** и **Јанико**, **Едэй** и **Едэйко**, **Папа** и **Папако**, **Папакоча** и **Папакоця**, **Тако** и **Такоча**, **Такоця** — могут быть вариантами одного имени, так как к корням **Јани** (*снова*), **Едэй** (*новый*), **Папа** (*младший брат*), **Тако** (*от тась — дать, дарить*) добавляются словообразующие суффиксы уменьшительно-ласкательного значения: **-ко**, **-коця (-коча)**, **-ця (-ча)**.

Или, к примеру, имена **Мэбе** и **Мэбета**, **Харана** и **Хараната**. Здесь к корням **Мэбе** (*мэбець — быть сильным*) и **Харана** (*харана — снежный торос*) добавился суффикс **-та**.

2. В словаре многие имена, начинающиеся с букв **А**, **О** и **Э**, образовались из-за выпадения носоглоточного звука Н, который в ненецком алфавите пишется как **Њ**. В русском алфавите нет буквы, означающей этот звук. Значительное количество подобных имён зафиксировано среди носителей гыданско-таймырского говора. При их написании я делаю отсылки на варианты имён, начинающиеся с буквы **Њ**. Например, **Арка** — это **Њарка** (*большой*), **Аркане** — **Њаркане** (*большая*), **Айбай** — **Њаябэй** (*новорождённый*), **Адий** — **Њади** (*видный*).

Имена **Айвасэр**, **Эвасэр**, **Эйвасэр** — это варианты от **Њэвасэр** (*белая голова*), **Эди**, **Нэди** — **Њэди** (*от нэ — ноги*), **Эсода**, **Нэсода** — **Њэсода** (*ставящий чум*). Каждый носитель подобных имён придерживается уже того варианта, который был записан первоначально в его документах. И поэтому в словаре данные имена записаны как самостоятельные, хотя ненцы — носители языка, конечно, не считают их разными.

3. Замена глухих согласных на звонкие и наоборот, например: **Б — В**, **Д — Т**, **З — С**, **Г — К**: **Маби** — **Мави**, **Енсу** — **Ензу**, **Лабчемя** — **Лаптемя**.

Итак, перечислено шесть групп причин, по которым видоизменяются имена.

В «Таблице фамилий» фамилии (тэнз и еркар) в первом столбце расположены по алфавиту и написаны в произношении той местности, в которой они распространены. Например, *Ванойта* (по-ямальски — *имеющий корни*), *Венгомса* (по-таймырски — *со-*

бачье мясо). Фамилии хантыйского происхождения помечены одной звездочкой — *, а энецкого происхождения двумя звездочками — **. Значок «ф» — означает, что фамилия встречается только в фольклоре. Фамилии, написанные курсивом (например, *Варивода*) есть только в архивах ЗАГС и владелец их в графе «национальность» значится как **ненец**.

Далее столбцы разделены по регионам, где проживают ненцы. В каждом столбце фамилия написана в том варианте, в котором она встречается в той местности. Например: фамилия **Ламдо в разных районах** записана как Ламдо, Лондо, Ламбдо, Ламду.